

ISSN 2312-332X

САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

№ 1(31)

2021

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

**2021
№ 1(31)**

**Общественно-политический
и научный журнал**

Издается с 1997 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Самарский университет

© Самарский университет, 2021
© Самарский земский сборник, 2021
© Центр периодических изданий,
оформление, 2021

*На обложке использована репродукция
из монографии-альбома В. Каркарьяна
«Самара – Куйбышев – Самара» (2004)
Особняк П.П. Головкина.
Улица Ленинградская (Панская), 22*

Главный редактор
П.С. Кабытов

Редакционная коллегия

А.Н. Завальный
(заместитель главного редактора)
В.Н. Данилов
Э.Л. Дубман
Н.Н. Кабытова
В.В. Кондрашин
М.М. Леонов
Ю.Н. Смирнов

Ответственный секретарь
О.Б. Леонтьева

Художественный редактор
Л.В. Крылова

Компьютерная верстка, макет
Л.Н. Законовой

Подписано в печать 27.05.2020. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 6,12; уч.-изд. 4,37.
Гарнитура «RaleighITТ ВТ». Тираж 100 экз. Заказ №
Центр периодических изданий Самарского университета,
443086, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22а, тел. 334-54-06.
Отпечатано с готового оригинал-макета в цифровой типографии
ООО «Прайм». Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.

СОДЕРЖАНИЕ

Наш юбиляр	4
Завальный А.Н. Нелегальный журнал «Самара» как зеркало общественно-политической жизни города в 1988–1991 гг.	6
<i>Статьи молодых ученых</i>	
Шафигова И.И. Металлургическое производство в эпоху поздней бронзы на территории Самарской области	21
Тягун Д.Б. Святитель Гермоген во главе Казанской епархии	25
Сержантова О.Д. Пётр I в современной отечественной историографии	28
Крылова А.В. «Из терема на танцевальный паркет»: ассамблеи как часть жизни женщины петровской эпохи	31
Шафран Е.В. Переписка Екатерины II и Григория Потемкина как исторический источник: к истории изучения и издания	33
Семыкина А.М. Русский крестьянин XVIII века – особенности быта и культуры	35
Улитина Д.М. История музеефикации Царскосельского Лицея	38
Токарева Н.Д. Императорская семья и великие князья в начале XX века	41
Романова А.С. Императрица Александра Федоровна в образе сестры милосердия	44
Авданов А.В. М.В. Родзянко во главе IV Государственной Думы	46
Алексеев Е.В. Становление советской школы социального менеджмента	49
Зотова Б.Б. Эмансипация советской женщины в исторической литературе	52
Панова А.Р. Советское ювелирное искусство 1920–1940-х гг.	55
Янцен И.Д. Женская фронтальная повседневность в годы Великой Отечественной войны через призму коллекций Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина	57
Лебедева М.А. «Контракт» работающей матери в 1965–1985 гг.	60
Кузнецова А.А. Трансформация повседневной жизни студентов Самары в 1990-е гг.	63
Новые публикации по истории Самарского края	66
Информация для авторов	69

НАШ ЮБИЛЯР

20 июня 2021 года свой юбилей отмечает Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского университета Петр Серафимович Кабытов.

Ровесник военного лихолетья, студент и аспирант Казанского университета, ученик выдающегося специалиста по аграрной истории И.М. Ионенко, Петр Серафимович связал свою судьбу с самарской землей. Здесь, в Самарском (тогда Куйбышевском) государственном университете, он прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой, первого проректора.

Обширны и многогранны научные интересы Петра Серафимовича. Свой

путь в науке он начал как специалист по аграрной истории России конца XIX – начала XX в. Стремление понять специфику аграрного уклада, душу крестьянина-земледельца определило направление его дальнейшей работы, интерес к поворотным рубежам российской истории последних двух столетий. Труды профессора Кабытова посвящены крестьяноведению, региональной истории Среднего Поволжья, гражданской войне, реформам и революциям. Он стал автором научных биографий легендарного самарца городского головы П.В. Алабина и «последнего реформатора Российской империи» П.А. Столыпина. В сферу академических интересов П.С. Кабытова входит и историография – целую серию трудов он посвятил творческому наследию своих учителей и коллег.

С 1983 года П.С. Кабытов возглавляет кафедру российской истории. Благодаря его энергии, профессионализму, способности объединять вокруг общего дела ученых с самыми разными интересами кафедра стала единым коллективом, центром научной работы по изучению региональной истории. Под научной редакцией П.С. Кабытова увидели свет трехтомник «Самарская летопись» и двухтомник «Обретение родины», «История Самары (1586-1917)», предприняты два издания фундаментальной «Истории Самарского Поволжья», подготовлены исторические разделы «Самарской энциклопедии», регулярно издается общественно-политический и научный журнал «Самарский земский сборник». Немало усилий прилагает Петр Серафимович для публикации источников и ранних трудов по истории Самарского края – он является редактором научной серии «Классика Самарского краеведения», в рамках которой увидели свет краеведческая картотека самарского художника и мецената К.П. Головкина, дневники самарского губернатора А.Д. Свербеева, были переизданы труды подвижников «золотого десятилетия» самарского краеведения – 1920-х гг.

Благодаря усилиям профессора Кабытова сложилась и успешно развивается региональная историческая школа. Многие историки, работающие не только в Самаре, но и в Москве, Казани, Ульяновске, Оренбурге, Уфе, Тольятти и других городах, гордятся тем, что их наставником в науке был Петр Серафимович: под его научным руководством подготовлено более 100 докторских и кандидатских диссертаций. Его ученики успешно

осваивают современные области исторической науки – новую социальную историю, историю повседневности, интеллектуальную историю, историю взаимоотношений власти и общества на исторических переломах.

Имя профессора Кабытова известно не только историкам, но и – без преувеличения – каждому жителю Самарской губернии. Он неустанно пропагандирует и популяризирует исторические знания, высказывается по актуальным проблемам на телевидении и в печати. На рубеже 1980-1990-х гг. Петр Серафимович был одним из лидеров общественного комитета «Самара», боровшегося за возвращение нашему городу исторического имени. По его инициативе городская топонимика обогатилась именами академика С.Ф. Платонова, историков М.Н. Тихомирова и Е.И. Медведева, лауреата Нобелевской премии, выдающегося писателя и общественного деятеля А.И. Солженицына; на набережной Волги воздвигнуты памятники основателю Самары воеводе Г.О. Засекину и П.В. Алабину, открыт памятный знак на предполагаемом месте захоронения С.Ф. Платонова.

Коллеги, ученики, друзья сердечно поздравляют Петра Серафимовича со славным юбилеем и желают ему новых свершений на благо исторической науки и нашего родного края!

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ «САМАРА» КАК ЗЕРКАЛО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА В 1988–1991 ГГ.

Статья посвящена журналу «Самара», выходившему в городе Куйбышеве (ныне Самара) в период перестройки. Дан анализ содержания номеров журнала, охарактеризован круг лиц, причастных к его изданию. Журнал является важным источником, отражающим общественно-политическую жизнь города того времени.

Ключевые слова: город Самара, перестройка, общественно-политическая жизнь, периодическая печать.

се дальше уходят годы, получившие название перестроечных. И осмысление тех лет, ставших эпохой, – задача не одного поколения.

Перестройкой ныне принято считать проводившуюся в СССР в середине 1980-х – 1991 гг. политику, направленную на преодоление кризисных явлений в экономической, политической и общественной жизни [61].

Нет сомнений, что в среде региональных историков и политологов будет расти интерес к событиям того времени в Куйбышевской (Самарской области), будут предприниматься новые попытки понять и оценить их значение. А выходивший в крупном городе нелегальный самиздатский журнал может претендовать на роль одного из источников информации о перипетиях тогдашней общественно-политической жизни.

Прежде чем перейти к обозначенной теме, будет, видимо, нелишним дать краткий обзор происходившего в Куйбышеве (Самаре). Разумеется, общий фон был тот же, что и в стране в целом. Тотальный дефицит, инфляция, развал производства, падение авторитета власти способствовали резкой активизации практически всех социальных групп. В переменах были заинтересованы наиболее энергичная, предприимчивая часть управленческой элиты, силовые структуры, понимавшие неизбежность смены курса, представители интеллигенции, мечтавшие о демократических реформах, и, наконец, уставшие от проблем и неопределенности миллионы простых граждан страны.

Промышленный мегаполис с мощными оборонными и авиакосмическими предприятиями, с основательным слоем инженерно-технических работников, многочисленной научной и культурной интеллигенцией всегда был в центре внимания российских и союзных властей. Не случайно Куйбышев стал первым городом, куда после знакового для перестройки XXVII съезда компартии приехал ее инициатор – генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев [9]. Приезд главного партийного руководителя внес заметное оживление и породил надежду людей на перемены к лучшему. Однако позиции местной номенклатуры оставались довольно крепкими, и первый секретарь обкома КПСС Е.Ф. Муравьев чувствовал себя в своем кресле достаточно уверенно. Характерный штрих: сразу после отъезда М.С. Горбачева пропагандисты Куйбышевской областной библиотеки провели анкетирование в коллективе, затронув вопрос о доверии руководству обкома. Результат показал практически полное неприятие методов работы региональных

* © Завальный А.Н., 2021

Завальный Александр Никифорович (alex-zaval@yandex.ru), главный библиограф краеведческого отдела, Самарская областная универсальная научная библиотека

властных структур. Незамедлительно последовали меры идеологического воздействия со стороны партийных органов, и это только убедило библиотекарей в правильности своих ответов.

Первый всплеск общественной активности в Куйбышеве произошел в августе 1987 г. и был связан с инициативой возвращения городу исконного названия. Выступавший на открытии областного отделения Советского фонда культуры ученый-историк П.С. Кабытов заявил о необходимости восстановления исторической справедливости. Созданный в том же году при областной библиотеке Клуб любителей истории Отечества «КЛИО-87» начал сбор подписей среди сотрудников и читателей под обращением в Верховные Советы РСФСР и СССР с призывом вернуть Самару на карту России. Обращение с 673 подписями было опубликовано в городской газете «Волжская заря».

В феврале следующего года «КЛИО» организовал в библиотеке обсуждение нашумевших тогда литературных произведений – пьесы М.Ф. Шатрова «Дальше... Дальше... Дальше!» и романа А.Н. Рыбакова «Дети Арбата». Прозвучавшая в них антисталинская тема вызвала бурное обсуждение. Все пришедшие (несколько сотен человек) не смогли разместиться в большом зале и стояли даже на лестнице. Это была, по сути, первая общегородская политическая «тусовка», на которой выступили будущие лидеры так называемых неформальных организаций. Через три месяца в переполненном зале института культуры авиационный инженер М.С. Солонин сделал доклад «Почему бюрократия начала перестройку?» После жаркого диспута группа разгоряченных участников учредила общественно-политический клуб «Перспектива».

В апреле – мае заявили о себе городской экологический клуб «зеленых» и «Инициативная группа содействия перестройке» на авиационном заводе. Обеспокоенные последним обстоятельством власти срочно организовали нежизнеспособное «Объединение сторонников перестройки», куда записали ряд преподавателей куйбышевских вузов. В это время получил огласку факт выделения Е.Ф. Муравьеву квартиры улучшенной планировки в недавно построенном доме. На волне резкого недовольства горожан «Перспектива» и «Инициативная группа содействия перестройке», проведя энергичную агитацию и распространив листовки «Перестройке – Да, Муравьеву – Нет», объявили о грядущем митинге. Он состоялся 22 июня 1988 г. на площади имени В.В. Куйбышева и собрал порядка 30 тысяч человек, 21 июля прошел второй «антимуравьевский» митинг с участием более 40 тысяч, ставший самой массовой акцией в провинции. Через несколько дней Муравьев ушел в отставку.

Политизация общественной жизни набирала темпы. Появились «Гайд-парк» (в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького), Клуб социал-демократов, эколого-политический клуб «Альтернатива», «Оргкомитет Народного фронта», «Партия диктатуры пролетариата», организации анархо-синдикалистов, Народно-трудового союза, «Левый блок за народное самоуправление», демократическая фракция депутатов городского Совета... Неформалов начали приглашать на радио и телевидение, а молодежная газета «Волжский комсомолец» превратилась в главную трибуну демократического движения.

В ноябре 1989 г. «КЛИО» провел в областной библиотеке диспут «Советское общество после Сталина». Перед дискуссией несколько коммунистов выступили с требованием отмены 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, деполитизации силовых структур и создания в стране многопартийной системы. В короткое время их поддержали десятки единомышленников, и вскоре был организован Самарский партийный клуб, вошедший позднее в общероссийскую «Демократическую платформу в КПСС». Поскольку новый руководитель обкома В.Г. Афонин оказался политически абсолютно бесцветной и беспомощной фигурой, а демократы стали подвергаться травле и шельмованию в «Волжской коммуне», партклуб решил на новую массовую акцию. Многотысячный митинг

с требованием отставки обкома и горкома КПСС прошел 25 февраля 1990 г. на все той же площади имени В.В. Куйбышева. Вскоре последовала и реакция властей – активисты партклуба были исключены из КПСС с жесткими формулировками [25].

К осени оформилось мощное общероссийское движение «Демократическая Россия», в которое вошли представители многих общественно-политических организаций города. Структурируется независимый рабочий профсоюз «Солидарность». Сторонники возвращения городу исторического имени, создав комитет «Самара», собрали 85 тысяч подписей горожан под соответствующим обращением и отправили их в Москву. 25 января 1991 г. председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин подписал Указ «О переименовании города Куйбышева в город Самару и Куйбышевской области в Самарскую область» [74].

А в июне 1991-го, накануне выборов Президента РСФСР, он как основной кандидат и сам прибыл в Самару, восторженно встреченный возлагавшими на него большие надежды жителями города.

Через два месяца, 19 августа, произошло странное и до сих пор не совсем понятное событие: появился Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), который многие тогда расценивали как желание партийной номенклатуры сохранить свои позиции. В тот же день члены Самарского координационного совета «Демократической России» и несколько депутатов областного и городского Советов создали городской штаб, который, получив по телефону Обращение Верховного Совета РСФСР и Указы Б.Н. Ельцина, осуждавшие ГКЧП, наладил распространение этих документов вместе с призывом выйти на митинг. Он состоялся вечером 20 августа на площади Славы при огромном стечении народа. 21 августа ГКЧП был распущен, а самарские демократы сняли со здания местного Белого дома красные стеклянные вывески, извещавшие, что здесь размещается обком КПСС. Наступила другая эпоха. . .

* * *

Теперь о журнале «Самара», украсившем политический ландшафт города в январе 1988 года. Инициатором издания выступил правозащитник и художник М.В. Зотов. Название придумал диссидент со стажем Н.В. Статеев. Редактором стал ветеран демократического движения А.А. Черкасов.

Издание позиционировалось как общественно-политический журнал независимых мнений. Слоган включал слова из известной песни: «Эх, Самара-городок, беспокойная я. . .».

Первые номера печатались редактором под копирку на машинке, затем журнал обрел практически формат ученической тетрадки (обычно 24 или 32 страницы) и выпускался уже офсетным способом в качестве частного заказа в одном из НИИ города Вильнюса. Тираж в упаковках доставлялся в Куйбышев техническим редактором Г.С. Евдокимовым и помогавшим ему А.А. Жегловым. Здесь номера сброшюровывались (иногда они выходили без скрепок) и распространялись членами редакции, участниками неформальных групп и объединений на собраниях, областных и межрегиональных конференциях (в том числе в других городах), митингах, на книжном рынке, в производственных коллективах и вузах. Тем самым расширялся и круг будущих авторов «Самары».

Первоначально журнал, включая обложку, выглядел довольно невзрачно – просто текст на белой бумаге. Указывалось место издания: «г. Куйбышев (Самара)». С десятого номера 1989 года обозначение несколько видоизменилось: «Самара (пока еще Куйбышев)», тогда же на обложке впервые появился рисунок. Были изображены «герб города» в виде фантастической фигуры козла, скопированного с «герба» на здании драматического театра, и российский триколор. Фоном служила панорама дореволюционной Самары. Обращаясь к читателям, редакция обещала давать виды города с архитектурными

и другими памятниками, «многие из которых сохранились только на открытках и картинах в частных собраниях» [55]. Обещание она сдержала: на обложках последующих номеров читатели увидели рисунки знаковых архитектурных объектов старой Самары с комментариями поэта и краеведа М.П. Авдеева. Появились и многочисленные карикатуры, значительная часть которых была выполнена Г.С. Евдокимовым.

В том же номере редакция напоминала читателям: «Только благодаря вашей моральной и материальной поддержке, выразившейся в приобретении предыдущих номеров журнала “Самара” и в частных пожертвованиях, вы имеете возможность приобрести очередной №10 нашего журнала» [55]. Позднее, отвечая на вопрос о высокой цене, редакция подробно описывала весь путь журнала к читателю и напоминала, что «основная масса самиздатчиков работает на общественных началах во имя ускорения процесса демократизации нашего общества» [81]. По мере увеличения тиража с одной до двух тысяч экземпляров цена была снижена с двух до полутора рублей.

Здесь нужно упомянуть, что год спустя после появления «Самары» вышел весьма своеобразный самиздатский журнал «Кредо». Выпускали его супруги А.В. и И.Ю. Демидовы, а печатались там также А.А. Черкасов и М.П. Авдеев.

К сожалению, нам не удалось установить точное количество номеров журнала «Самара». Вероятно, их было около сорока. Стоит также учитывать, что несколько тридцатых номеров, по утверждению лиц, в свое время причастных к распространению журнала, являлись тематическими выпусками, содержащими лишь перепечатку актуальных произведений общественно-политической тематики.

В коллекции отдела редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки хранятся 14 номеров журнала. В их числе № 8–12 за 1989 г. и № 1–4, 6–9 за 1990 г., а также тематический номер по итогам интервью с Т.Х. Гдляном (старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР. – Прим. ред.). Некоторые экземпляры имеют дарственные надписи. Две из них были сделаны А.А. Черкасовым во время передачи журналов в библиотеку: «Читателям Областной Самарской библиотеки от редактора “Самары”. 16.11.1989 г.» [72], «Читателям города Самара на долгую память о первом местном “самиздате” 80-х годов от редактора “Самары”. 16. 11. 1989 г.» [73].

Перед характеристикой содержания номеров приведем заявленную самой редакцией «основную тематическую направленность» издания: исторический анализ, обзор современной жизни, политическая сатира, экономические и политические прогнозы [59]. Любопытно отношение к авторам предоставляемых материалов. В июле 1990 г. оно звучало несколько либерально: «Мнение авторов не обязательно должно совпадать с мнением редакции, но работы коммунистов, сталинистов, ленинистов, консерваторов, фашистов и прочих ретроградов редакция оставляет без изменений, но со своими комментариями и без редактирования основного материала [значит, что-то все-таки редактировалось и менялось? – А.З.]. При этом грамматические ошибки борзописцев не исправляются» [59]. Через два месяца плюрализм закончился: «Коммунистов, бюрократов, национал-шовинистов, фашистов и прочих сталинистов-ретроградов не публикуем» [60]. Основной тон редакционной политики задавал А.А. Черкасов, он же был автором многочисленных статей самого разного характера. Здесь нужно помнить, что и редактор, и члены редакции, и авторы не являлись профессиональными журналистами или литераторами, и определенные шероховатости стиля были неизбежны. Воздерживаясь от литературной критики статей, очерков и заметок (предоставим это право специалистам), отметим их популярность среди читателей.

Безусловный интерес, особенно у городской интеллигенции, вызывали получаемые из Москвы или перепечатываемые из других неформальных изданий материалы, скажем так, «общесоюзного» характера, заявления различных партий, организаций и объединений с откликами и комментариями редакции «Самары».

В июне 1989 г. в Москве была создана Межрегиональная депутатская группа – первая советская легальная парламентская оппозиция, ставившая целью преобразование политического режима в СССР. Она объединяла демократически настроенных депутатов Верховного Совета СССР, представлявших разные регионы, и к 30 июля 1989 г. насчитывала 388 человек. Вошел в нее и генеральный директор, председатель совета директоров АвтоВАЗа В.В. Каданников.

Уже в августовском номере журнал от имени редакции опубликовал «Обращение к Межрегиональной группе депутатов Верховного Совета СССР»: «Мы, сторонники радикальной перестройки общественно-политической системы нашей страны, убедились в том, что недемократическая процедура выборов делегатов на Съезд народных депутатов и дальнейшее недемократическое избрание состава Верховного Совета СССР привели к образованию недееспособного во всех отношениях сталинско-брежневского депутатского корпуса, неспособного решить самые жгучие проблемы нашего бытия» [52, с. 3]. Редакция просила группу начать вторую, осеннюю, сессию Верховного Совета с выдвижения ряда требований к депутатам. В частности, предлагалось упразднить Совет Союза и Совет Национальностей, заменив их соответственно Палатой народных представителей и Палатой специалистов, образовать Комиссию по делам национальностей в Палате специалистов, исключить пресловутую 6-ю статью из Конституции СССР.

Наивно, но показательно для того времени требование: «Никто не имеет права устанавливать регламент для выступлений депутатов, – ни спикеры, ни депутаты большинством голосов». Однако спикер должен лишать слова депутата, «который отстаивает узкопартийные интересы своей партии, а не наказания своих избирателей» [а если они совпадали? – А.З.]. Заслуживал внимания и такой пункт: «Нахождение в законодательном органе, каковым является Верховный Совет, представителей армии, милиции и госбезопасности, то есть представителей органов власти, недопустимо, ибо противоречит демократическому принципу разделения властей» [52].

Учитывая довольно тесные контакты региональных неформалов с московскими демократами, можно не сомневаться, что кому-то из них довелось ознакомиться с «самарским обращением». Не прошло и полгода, как журнал подверг депутатскую группу критике. В статье «И это платформа считающих себя демократами?» А.А. Черкасов анализирует «Тезисы к платформе Межрегиональной группы депутатов» и резюмирует: «Время надежд компромиссами с партаппаратом решить насущные вопросы в стране прошло. Конфронтация нарастает, и твердость демократических позиций необходима теперь раз и навсегда» [86].

В одном из номеров публикуется «Программа Международной ассоциации советских политзаключенных», которая добивалась освобождения всех политзаключенных, находившихся в местах лишения свободы и психиатрических больницах, пересмотра приговоров по особо опасным государственным преступлениям, приведения советских правовых норм в соответствие с международным правом, привлечения к ответственности организаторов, инициаторов и участников политических репрессий без срока давности.

Там же были напечатаны «План деятельности Зарубежной секции Международной ассоциации советских политзаключенных» и «Соглашение между Американским обществом советских политзаключенных и Комитетом по реабилитации политзаключенных постсталинского периода в СССР». Интересно, что от американской стороны документ подписал известный куйбышевский диссидент В.В. Давыдов, уехавший в США, а с советской – не менее известный правозащитник и художник из Тольятти М.В. Зотов [68]. Спустя некоторое время появилось и Обращение Комитета по реабилитации с пунктом о необходимости включить в «Закон о пенсионном обеспечении в СССР» положение о льготах и компенсациях жертвам политических репрессий. Кроме М.В. Зотова Обращение подписали два секретаря – А.А. Черкасов и Л.С. Прибытков (редактор и один из членов редакции «Самары») [54].

Не осталось без внимания «Заявление для печати и других средств массовой информации народного депутата СССР Б.Н. Ельцина» о травле со стороны руководства КПСС и несостоявшемся покушении на его жизнь, которое было передано по телефону в газету «Советская молодежь» (орган ЦК ЛКСМ Латвии). Перепечатывая «Заявление», редакция «Самары» высказала мнение, что это не покушение, а инсценировка, призванная спровоцировать беспорядки в стране [24].

Журнал живо откликнулся на резонансное дело Т.Х. Гдляна – Н.В. Иванова. Возглавляемая двумя следователями группа изучала систему коррупции в высшем эшелоне власти Узбекистана. Попутно собирались доказательства получения взяток руководителями Советского Союза. В мае 1989 г. Прокуратура СССР возбудила дела против Гдляна и Иванова, обвинив их в нарушении социалистической законности. Т.Х. Гдлян был исключен из КПСС и уволен с работы. В марте 1990 г. «Самара» перепечатала часть беседы корреспондента газеты «Комсомольское знамя» (орган ЦК ЛКСМ Украины) с кандидатом в народные депутаты УССР Л.С. Пановой под заголовком «Прав ли Тельман Гдлян?» [64]. Панова, следователь по особо важным делам, работала в группе Гдляна и рассказала, что все было свернуто, когда стали выходить на членов ЦК КПСС. Редакция журнала посчитала справедливым дать слово и оппоненту Гдляна адвокату А.М. Макарову, перепечатав его интервью газете «Коммерсант» [2].

И, наконец, в апреле был подготовлен специальный выпуск «Самары» – «Два с половиной часа в кабинете Тельмана Гдляна». 20 марта сотрудник журнала Г.С. Евдокимов провел беседу с Т.Х. Гдляном в его рабочем кабинете в Москве. Тот обстоятельно поведал о работе группы, поделился мнением о ситуации в стране, о политических интригах власти. Ну, и конечно, добавил: «У меня самые благоприятные воспоминания о Самаре, где я неоднократно бывал. Передайте самарцам мое спасибо великое за мощную поддержку» [22]. В этом же номере напечатан и протокол дополнительного допроса бывшего первого секретаря компартии Узбекистана И.Б. Усманходжаева, проведенного 16 октября 1988 г. Первоначально текст допроса был опубликован в газете «Голос избирателя» (№ 4 за 1990 г.), но весь тираж конфисковали в Минске во время транспортировки из Прибалтики в Москву и уничтожили. В связи с этим Гдлян дал разрешение на повторную публикацию протокола в журнале «Самара» [22, с. 9–23].

В 1990 г. начался неизбежный распад Советского Союза. «Самара» печатает письмо председателя Верховного Совета Литовской Республики В. Ландсбергиса председателю Верховного Совета СССР М.С. Горбачеву о восстановлении независимости Литвы, а также «Обращение Верховного Совета Литовской Республики к народам СССР», где освещались история аннексии республики в 1940 г. и процесс восстановления ее независимости. Совет просил «осознать наши добрые устремления, поддержать наши цели» [63]. Редакция «Самары», естественно, прокомментировала попытки Горбачева задержать выход балтийской республики из состава Советского Союза.

Журнал не обошел вниманием и резонансную стенограмму заседания Правления Союза писателей РСФСР от 25 декабря 1989 г., озвученную на «Радио Свобода» в феврале 1990 г. Выступления писателей, в том числе антисемитской направленности, стали частью не столько литературной, сколько общественной жизни того времени [70].

Обострение политической ситуации в стране вызвало появление «Обращения к армии», одобренного на московских митингах, проведенных несколькими демократическими организациями. В документе звучал призыв к воинам не выполнять «преступных приказов вашего слабоумного, престарелого и прогнившего руководства! Помните подвиг генерала Шапошникова, который отказался стрелять в свой народ в Новочеркасске в 1962 году!» [51]. Нашлось место и для публикации интервью Б.Н. Ельцина французскому телевидению по поводу издания его книги «Исповедь на заданную тему» (в Париже она вышла под названием «Идти до конца») [12].

Подобные отклики небольшого местного неформального издания на происходившие в стране события свидетельствуют о довольно высокой политической грамотности и активности сотрудников редакции, учитывавших к тому же, что «Самара» через добровольных помощников распространяется в Москве и других городах Союза.

Разумеется, что в центре самого пристального внимания журнала должна была находиться общественно-политическая жизнь Куйбышева. К сожалению, мы можем только догадываться, ввиду отсутствия номеров, о содержании публикаций об «антимуравьевских митингах». Как утверждал Черкасов, статья «Несмотря ни на что», опубликованная в июньском номере «Самары» за 1988 г. и посвященная первому митингу, была, в частности, перепечатана в парижской «Русской мысли». В имеющихся в нашем распоряжении номерах удалось обнаружить материал, связанный с тем митингом – эмоциональную статью яркого представителя демократического рабочего движения, слесаря авиационного завода В.А. Карлова «Начало и продолжение» [41]. Он осуждал представителей интеллигенции, которые были заявлены как ведущие митинга, но не появились на трибуне. И автор, чьей задачей была агитация среди рабочих, вынужден был вести митинг. По мнению интеллигентов, рабочие не умеют дискутировать и красиво излагать свои мысли. «Нет, господа, рабочие были, есть и будут основной движущей силой реальных перемен в нашем обществе!» Инициативная группа рабочих авиационного завода подверглась шельмованию со стороны партийных органов, но авиаторов поддержали письмами трудовые коллективы заводов «Рейд», «Металлург», «Экран» и других. Шли письма поддержки от жителей города.

Здесь же увидело свет письмо Карлова, предназначавшееся первоначально для газеты «Волжская Коммуна». Подписал он его так: «Рабочий Куйбышевского авиационного завода, коммунист, не потерявший совести». Понятно, что газета его не напечатала. По сути, это был ответ доценту кафедры истории КПСС Куйбышевского педагогического института В. Тулузакову на его нападки на рабочих авиазавода [42].

Журнал неоднократно освещал эколого-политические протесты против строительства в Чапаевске завода по уничтожению химического оружия. Показательна фототелеграмма председателю Верховного Совета СССР М.С. Горбачеву от работников авиационного завода: «Мы не хотим химического Чернобыля... Мы не хотим быть заложниками!» [65].

В связи с начавшейся в печати кампанией по дискредитации местных неформалов общественно-политический клуб «Перспектива», дискуссионно-политическое объединение «Гласность», социал-демократический клуб, Куйбышевское отделение партии «Демократический союз» через журнал «Самара» призвали честных коммунистов, «преданных интересам народа», сделать выбор в пользу демократизации самой партии [53].

Журнал первым обнаружил воззвание общественного комитета «Самара» к неформальным организациям, клубам и группам с просьбой поддержать движение за возвращение городу исторического имени [27]. Эта тема, близкая по духу всем членам редакции, регулярно поднималась на страницах журнала. В мае 1990 г., публикуя обращение в Верховный Совет СССР участников региональной топонимической научно-теоретической конференции «Самара – имя, история», редакция объяснила горожанам, что этот процесс не потребует больших финансовых затрат [50].

После принятия Куйбышевским горсоветом обращения в Верховные Советы СССР и РСФСР «О возвращении городу Куйбышеву его исторического наименования Самара» редакция, не дожидаясь реакции Кремля, с восторгом обратилась к гражданам России: «Отныне наш русский город с многонациональным составом населения снова носит свое историческое имя. Разделите вместе с нами эту радость, россияне, и последуйте нашему примеру – все, кто проживает в переименованных городах, добивайтесь восстановления подлинных исторических имен ваших городов... Желаем успехов в борьбе... жителям:

Санкт-Петербурга, Екатеринбург, Екатеринослав, Екатеринодара, Царицына, Кенигсберга и других больших и малых городов» [20].

В ноябре 1989 г. «Самара» напечатала обращение нескольких коммунистов к товарищам по партии с предложением создать в Куйбышеве объединение на платформе демократических преобразований в КПСС. Редакция добавила, что возможность напечатать его появилась только здесь, и поддержала требование о немедленном пересмотре 6-й статьи Конституции СССР [26].

По мере роста популярности и численности созданного партийного клуба журнал все чаще уделяет внимание этой, на тот момент самой многочисленной и влиятельной организации, вставшей в оппозицию к руководству КПСС. В январе 1990 г. было опубликовано «Открытое письмо Самарского городского партийного клуба», адресованное первому секретарю горкома КПСС В.И. Золотареву. «Пытаясь извратить перед лицом всей партийной организации нашу позицию, – писали партклубовцы, – оскорбляя членов Самарского партклуба и наших единомышленников, Вы наносите ущерб не только горкому партии. Используя монополию в печати, Вы можете пока обливать нас грязью, навешивать ярлыки» и натравливать «политически малограмотных людей» на Самарский партклуб [58].

25 февраля 1990 г. два сопредседателя партклуба стали ведущими 20-тысячного митинга на площади имени В.В. Куйбышева. На фоне выступавших с требованием демократических перемен всем запомнилась резкая речь уже упоминавшегося нами В.А. Карлова, напечатанная потом в «Самаре»: «Товарищи! Полтора года назад на митинге против Муравьева мы верили в доброго царя и справедливого воеводу». Реальных перемен не произошло. Стыдно быть в одной организации с карьеристами и казнокрадами. «Я сдаю свой билет представителю обкома и призываю честных коммунистов сделать то же».

Стоявший рядом первый секретарь обкома КПСС, увидев протянутый ему документ, отшатнулся и кивнул на секретаря парткома авиационного завода. Тот спрятал руки за спину, и разгневанный Карлов, разорвав билет, бросил им под ноги. Вместе с выступлением Карлова журнал напечатал и резолюцию митинга, которая получила сильный резонанс в партийных организациях города [13].

В апреле журнал публикует еще один материал Самарского партклуба под заголовком «Выиграет ли Золотарев процесс?» Суть была в следующем: 6 апреля первый секретарь горкома подписал постановление бюро, клеймившее членов «Демократической платформы в КПСС» (клуб представлял ее в регионе). Через шесть дней вышло открытое письмо ЦК КПСС к коммунистам страны, где практически целые абзацы совпадали с прозвучавшими ранее в постановлении Куйбышевского бюро. И партклубовцы предложили Золотареву подать на ЦК в суд за плагиат, обещая ему всяческую поддержку [11]. Напечатал журнал и обращение партклуба «к тем, кто вышел или был исключен из партии по политическим мотивам», о необходимости передачи партийной собственности в распоряжение Советов народных депутатов. «Возвращение национальных богатств – первый шаг к политическому покаянию КПСС перед советским народом!» [56]. В то же время А.А. Черкасов критиковал с либеральных позиций проект Демократической платформы к XXVIII съезду КПСС за приверженность «социалистическим ценностям» [97].

Довольно интересным оказался малоизвестный факт «общесоюзного масштаба». Из заметки Е.А. Кудрина «Как рождаются партии в наше время» выяснилось, что идея создания Российской демократической партии появилась в Куйбышеве в конце июля 1987 г. на правом берегу Волги, когда известный диссидент Лев Убожко и Анатолий Черкасов «в мокрых плавках прогуливались по песку». Общение закончилось тем, что Убожко отвез в Москву черновики программы и устава будущей партии [16]. Правда, инициативу вскоре перехватила Валерия Новодворская и переименовала партию в «Демократический союз», породив многочисленные интриги и конфликты.

Среди авторов публикаций в «Самаре» первое место, безусловно, занимает А.А. Черкасов. Ему принадлежат статьи о политике М.С. Горбачева, «дорогого своей нерешительностью и глупейшими экспериментами» [100], об объединении Германии [99], проблемах самоорганизации рабочих [85], кооперативном движении [93], подоходном налоге [91], профессиональной армии [87], очерки и заметки самой разной тематики – от советской психиатрии до причин появления на экранах А. Чумака и А. Кашпировского [98; 92; 96; 83; 82; 95], фельетоны и памфлеты [89; 84].

Заслуживают внимания полемические материалы, включая написанное вместе с С. Белым открытое письмо М.С. Горбачеву, вряд ли дошедшее до адресата [90; 5]. Характерна его концовка. Во время подготовки письма авторы узнали о том, что Горбачев готовится «стать первым в истории Руси президентом». «Заранее очень Вам сочувствуем, так как отсидеться в президентском кресле до полного пенсиону Вам... явно не удастся. И да храни Вас Бог от судьбы Николая Второго Романова!» [5, с. 13].

Особняком стоит занимательный «Психологический анализ истории Государства Российского (от Гостомысла до Горбачева)», для характеристики которого трудно подобрать какой-либо жанр [94].

К заявленным редакцией статьям аналитического характера можно, с рядом оговорок, отнести публикацию Н. Статеева «Состоится ли суд над Сталиным?» [76]. «Если мыслить в рамках нашей политической системы, признавая ее неизбежность, – заключает автор, – то суд над Сталиным и его кликой теряет всякий смысл. Но, если осуждать саму систему, порождающую таких чудовищ, как Сталин, то суд необходим. Он будет составной частью критики системы».

Отметим материалы В. Гинзбурга «“Метафизика” профессора Евгения Молевича» [18], Н. Губина «КГБ перестроился или притаился?» [21], С. Белого «Игра в демократию, или Почему я не верю руководству КПСС» [4], И. Гамаюна «Без царя нам никак нельзя...» [15], Е. Нестерова «Дела научные» [49], Н. Статеева «“Круглый стол” на заводе “Электроштит”» [75], Г. Золотухина «И сам не “гам”, и людям не дам» (автор надеется «на мирный вариант нашей начинающейся антибюрократической революции») [30].

Стоит остановиться и на небольших по объему публикациях. Среди них «крик души» рабочего авиационного завода В. Веденева: «Америка скупает во всем мире умные головы, а Советский Союз выгоняет эти головы за границу или “рубит” дома». Современные министерства и ведомства ведут «политику геноцида против своего народа», распродают «национальные богатства по дешевке за рубеж», уродуют «природу, здоровье и душу народа» [6]. В. Карлов обличает «прокоммунистического» доцента планового института С.И. Стребкова [40], а И. Золотарева – первого секретаря обкома В.Г. Афонина, уходившего от острых вопросов на встрече с избирателями [29]. Вообще, жесткая и зачастую безжалостная критика партocrats была модной темой не только в журнале «Самара».

О необходимости легальной политической оппозиции писал М. Зотов [31], об инфляции и падении курса рубля – Л. Прибытков [67], о намерении МВД создать Рабочие отряды общественного порядка – Е. Кудрин [14]. Ю. Сушко напоминала, что здоровье женщины – это здоровье нации [78]. Беспокойство М. Авдеева вызывало историко-культурное наследие и состояние архитектурных памятников города [1]. Несколько неожиданным, но весьма полезным оказался очерк Л. Ивановой о самарском городском голове П.В. Алабине [33]. Последние два материала попали в струю в связи с рядом публикаций о необходимости возвращения Самаре исторического названия.

Актуальной была тема правозащитного движения, протестов против политически мотивированных приговоров [23; 32; 34]. Сопоставлялась жизнь в СССР и за рубежом [8; 28], давалась критическая оценка русскому национальному характеру [88].

Редакция достаточно места уделяла вопросам исторического и политического просвещения. Назовем материалы о Петербургском Совете рабочих депутатов в 1905 г. [19],

о Ю. Мартове [17], о версиях убийства Л.Д. Троцкого [38], об американской помощи союзникам во время Второй мировой войны [3]. Приводилась подборка ленинских цитат о применении террора и расстрелов [36], давалась характеристика тоталитарного режима, озвученная на Нюрнбергском процессе [35], рассказывалось про «Радио Свобода» [71], о «Декларации прав человека» и куйбышевских политзаключенных [66]. В одном из номеров от имени представителей демократических групп и организаций был напечатан некролог о видном деятеле демократического движения в Куйбышеве, поэте и публицисте А.Б. Разлацком [69].

А.А. Черкасов увлекался смыслом и значением разных слов, зачастую давая им своеобразную трактовку. И это, естественно, не могло не отразиться на страницах журнала [57; 10; 37; 46].

Как и в любом периодическом издании, в «Самаре» внимательно относились к письмам читателей. В первую очередь удостоивались ответа претензии недоброжелателей, выступавших против возвращения городу исконного имени, призывавших к борьбе с еврейской мафией [47], возмущавшихся «гнусным» интервью с Т.Х. Гдяном [48]. Практически без комментариев было опубликовано письмо переехавшей в США Е. Дарер своей племяннице в Куйбышев с подробным рассказом об американской жизни [62].

Определенный колорит придавали изданию поэтические страницы. Так, были напечатаны отрывки из поэмы москвича Тимура Кибирова «Л.С. Рубинштейну», одобренной цензурной лексикой [43]. О литературных достоинствах предоставим судить профессионалам:

Я люблю Россию, Лева,
Край белеющих берез,
Край гибели пуховой,
Рваных ран да пьяных слез.

Гораздо выигрышнее смотрятся стихотворения самарских авторов, в частности, рабочего Виктора Левина:

На судне бунт!
Кто б мог предположить,
Что тысячи разрозненных и серых
Заговорят о праве лучше жить,
Свободу предпочтут веслу галеры!..

* * *

... Я верю, дороги к прошедшему нет,
Но только не очень верится:
На взводе Застой держит свой пистолет
И целится, целится, целится... [44]

Заметно выделяется уникальный продукт творчества – маленькая оратория «Ленин – вождь революции» с нотами и текстом:

Труп тирана не предан земле,
Так он Богом российским наказан
За народ, что во страхе и зле
Потерял свою память и разум [45].

Музыку на слова Георгия Бязырева написал Иван Петрашов, который около десяти лет был жертвой советской карательной психиатрии. Являясь членом ассоциаций композиторов нескольких стран, сообщал журнал, он «по моральным, этическим и политическим соображениям» не вступил в Союз композиторов СССР. Маленький штрих к портрету: в начале 1970-х гг. Петрашов работал в симфоническом оркестре Куйбышевской филармонии.

Сатира и юмор в журнале представлены притчей Владимира Войновича «Сказка о пароходе» [7], пародией Сергея Щербакова на преподавание истории «Антология социализма, или Жития святых» [101], подборками анекдотов, в том числе о КПСС, перестройке, Горбачеве [77], и многочисленными карикатурами на партноменклатуру, того же Горбачева, Продовольственную программу, бюрократию [39].

Заканчивая обзор журнальных номеров, отметим чувство юмора у самих членов редакции. Поздравляя читателей с наступающим 1989 годом, А.А. Черкасов делится эмоциями: «О, радость! Удалось отовариться колбасой по талону! И тут же подвалила гадость – в соседнем магазине на другой день по тому же талону можно было приобрести колбасу менее гадкого качества... Не бойтесь в новом году денежной реформы! Ибо не в деньгах счастье. В советских рублях счастья нет вообще – это уж точно» [79]. А в следующем номере, напоминая, что наступил год Белой лошади, редактор добавляет: если мы упустим возможности, предоставляемые лошадью, то «останется нам плестись в тарантасе допотопной конструкции в хвосте мировой цивилизации, ибо загнанная и измученная вконец Русская тройка уже не тянет и не обгоняет другие народы и страны...» [80].

* * *

Несмотря на отсутствие в нашем распоряжении полного комплекта номеров журнала «Самара», все же можно сделать некоторые выводы.

Сам выход и довольно длительное существование нелегального политического журнала хоть и в большом, но провинциальном городе уже заслуживает внимания и позволяет довольно высоко оценивать уровень социально-политической активности наших земляков.

Общая проблематика публикаций свидетельствует об интересе горожан как к событиям общесоюзного масштаба, так и к происходившему в Куйбышеве. Нельзя не отметить и диапазон материалов, отражающих, в частности, вопросы сохранения историко-культурного наследия региона.

Качество ряда материалов, в том числе и редакционных, может вызывать определенные вопросы, но редакция, и в первую очередь редактор старались держать марку и не допускать публикаций, способных нанести ощутимый ущерб престижу издания.

Довольно большой тираж журнала (2 000 экземпляров) и энергичные усилия по его распространению работали на популярность издания и на определенную известность за пределами региона. Практически полный комплект «Самары» был передан, по утверждению А.А. Черкасова, в Библиотеку Конгресса США, отдельные номера передавались в Самарский областной государственный архив социально-политической истории и в Музей политической истории России в Санкт-Петербурге.

Судя по всему, мы имеем право расценивать журнал «Самара» как заслуживающее внимания явление периода перестройки и как довольно адекватное «зеркало», отражающее атмосферу и события того времени в нашем городе.

**Краткие справки о лицах, причастных к изданию
и распространению журнала «Самара»**

Черкасов Анатолий Александрович (1939 – после 2003). Псевдоним «А. Каретников». Участник диссидентского движения. Инженер. Рано остался без родителей. Был усыновлен заместителем прокурора Закавказского военного округа А. Черкасовым. С 1944 г. в Куйбышеве. Работал в Казахстане, потом в различных учреждениях в Куйбышеве. Пытался бежать в Турцию, но был арестован и подвергнут принудительному лечению в психиатрической больнице. Неоднократно подвергался давлению со стороны правоохранительных органов и воздействию репрессивной психиатрии. В 1994 г. эмигрировал в США, жил в Сиракузах (штат Нью-Йорк).

Редактор (главный редактор) журнала «Самара». Автор многочисленных материалов самого разного характера. Как редактор иногда позволял себе заметную правку публикуемых статей и очерков. Сотрудничал также с журналом «Кредо».

Зотов Михаил Васильевич (1923 – 1995). Родился в Астрахани. Художник, литератор, правозащитник. В 1941–1943 гг. находился в заключении (мать происходила из немцев Поволжья). В 1944–1945 гг. воевал на фронтах Великой Отечественной войны, получил несколько ранений. В правозащитном движении с начала 1970-х гг. Подвергался воздействию репрессивной психиатрии. Инициатор создания в Куйбышеве неформального журнала, член редакции и автор ряда материалов.

Евдокимов Георгий Сергеевич (1937 – 2013). Участник демократического движения. Родился в Воронеже. Служащий. Учился в Московском физико-техническом институте. В течение 15 лет работал на хозяйственных должностях в Узбекистане, затем переехал в Куйбышев. Технический редактор журнала «Самара». Занимался его оформлением и сделал ряд рисунков. Встречался с Т.Х. Гдяном и брал у него интервью. Вместе с А.А. Жегловым осуществлял перевозку журнала из Вильнюса в Куйбышев. В 2008 г. передал подборку номеров в дар Самарской областной универсальной научной библиотеке.

Жеглов Андрей Алексеевич (р. 1959). Родился в Сызрани. Один из организаторов эколого-политического клуба «Альтернатива» (1988), боровшегося против пуска завода по уничтожению химического оружия в Чапаевске. Решал организационные вопросы, связанные с печатанием, доставкой и распространением журнала.

Статеев Николай Васильевич (ок. 1937 – ?). Участник диссидентского движения. Рабочий. Несколько лет трудился механиком на АвтоВАЗе. Придумал название журналу – «Самара». Входил в состав редакции. Будучи владельцем книжного киоска, активно содействовал распространению журнала.

Прибытков Лев Сергеевич (р. 1939). Участник диссидентского движения. Родился в Воронеже. Инженер. Работал в Куйбышеве. За протесты против власти подвергался репрессивной психиатрии. В конце 1980-х гг. уехал в США. Входил в редакцию журнала, написал ряд статей.

Карлов Валерий Александрович (1942 – 2015). Родился в Энгельсе Саратовской области. Работал слесарем Куйбышевского (Самарского) авиационного завода. В 1990 г. избирался депутатом областного Совета. Активно участвовал в демократическом движении. Создал инициативную группу из рабочих авиационного завода, сыгравшую большую роль в организации антимуравьевских митингов. Некоторое время входил в редакцию журнала, выступал как автор.

Кудрин Евгений Александрович (р. 1945). Родился в Сызрани. Врач, заведовал отделением Куйбышевской психиатрической больницы № 1. Был членом правления Клуба любителей истории Отечества «КЛИО-87» и общественного комитета «Самара». Один из организаторов городского партклуба (исключен из КПСС в апреле 1990 г.) и отделения «Демократической платформы». Автор материалов в журнале под псевдонимами «Иван Гамаюн» и «Василий Сирин».

Авдеев Михаил Петрович (1958 – 2013). Родился в Куйбышеве. Поэт, краевед. Выпускник библиотечного факультета Куйбышевского института культуры. Комментировал изображения зданий старой Самары на обложках журнала. Активно занимался распространением издания на городском книжном рынке. Сотрудничал также с журналом «Кредо».

Осетров Дмитрий (р. 1960). Родился в Куйбышеве. Художник, актер. В начале 1990-х гг. создатель, редактор и ведущий художник первого самарского журнала комиксов «Ди. Джи. Комикс». Снимался в нескольких фильмах, в том числе в «Ночном дозоре». Автор ряда рисунков в журнале «Самара».

Кудрин Александр Евгеньевич (р. 1971). Родился в Куйбышеве. Учился в Куйбышевском медицинском институте, ныне врач. Иллюстрировал несколько номеров журнала. Рисовал в основном архитектурные памятники дореволюционной Самары.

Библиографический список

1. Авдеев М. Город Самара – от прошлого к настоящему // Самара. 1989. № 12. С. 3–6.
2. Адвокат Макаров: этот мыльный пузырь должен лопнуть // Самара. 1990. № 3. С. 25–26.
3. Американская военная помощь союзникам во Второй мировой войне // Самара. 1989. № 8. С. 23.
4. Белый С. Игра в демократию, или Почему я не верю руководству КПСС // Самара. 1989. № 9. С. 7–10.
5. Белый С., Черкасов А. Открытое письмо М.С. Горбачеву на статью «Социалистическая идея и революционная перестройка» («Правда», 26.11.1989 г.) // Самара. 1990. № 3. С. 9–13.
6. Веденеев В. Чем дальше – тем больше, чем больше – тем хуже // Самара. 1989. № 8. С. 13–14.
7. Войнович В. Сказка о пароходе // Самара. 1990. № 8. С. 10–14.
8. Все наоборот // Самара. 1990. № 2. С. 31
9. Встречи на куйбышевской земле: (пребывание генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в Куйбышевской области): библиогр. указ. / сост. А.Н. Завальный. Куйбышев, 1986. 16 с.
10. Всякая всячина про все // Самара. 1990. № 2. С. 29.
11. Выиграет ли Золотарев процесс? // Самара. 1990. № 6. С. 22–23.
12. Выступление Бориса Ельцина по французскому телевидению // Самара. 1990. № 8. С. 16–18.
13. Выступление Валерия Карлова на городском митинге 25 февраля 1990 г. // Самара. 1990. № 3. С. 15–16.
14. Гамаюн И. А ты записался в РООП? // Самара. 1989. № 12. С. 6–7.
15. Гамаюн И. Без царя нам никак нельзя... // Самара. 1990. № 4. С. 11–13.
16. Гамаюн И. Как рождаются партии в наше время в нашей стране // Самара. 1990. № 2. С. 17–18.
17. Гинзбург В. Антипод Ленина // Самара. 1989. № 11. С. 20–21.
18. Гинзбург В. «Метафизика» профессора Евгения Молевича // Самара. 1989. № 11. С. 3–7.
19. Гинзбург В. Рабочий парламент // Самара. 1989. № 9. С. 20–23.
20. Граждане России! // Самара. 1990. № 7. С. 24.
21. Губин Н. КГБ перестроился или притаился? // Самара. 1989. № 12. С. 14–18.
22. Два с половиной часа в кабинете Тельмана Гдяна. Самара: специальный выпуск. 1990. Апрель. 23 с.
23. Евдокимов Г. Реакция не сдается // Самара. 1989. № 8. С. 11–12.
24. Ельцин Б.Н. Заявление для печати и других средств массовой информации // Самара. 1989. № 11. С. 8.

-
25. Завальный А.Н. Хроника одного года: (из истории создания Самарской организации Республиканской партии Российской Федерации) // Самарский земский сборник. 1998. № 1. С. 80–90.
  26. Завальный А., Кудрин Е. Обращение к товарищам по партии // Самара. 1989. № 11. С.29.
  27. Завальный А., Кудрин Е. Обращение общественного комитета «Самара» // Самара. 1989. № 10. С.13.
  28. Золотарева И. Все наоборот // Самара. 1990. № 7. С. 6–7.
  29. Золотарева И. Зарисовки с натуры // Самара. 1990. № 1. С. 24–25.
  30. Золотухин Г. И сам не «гам», и людям не дам // Самара. 1990. № 8. С. 5–8.
  31. Зотов М. Остальное приложится // Самара. 1989. № 10. С. 9–10.
  32. Зотов М. Письмо из Ужгорода через Тольятти в «Самару» // Самара. 1989. № 11. С. 30.
  33. Иванова Л. Истинный патриот нашего города // Самара. 1990. № 6. С. 2.
  34. Информационное сообщение // Самара. 1990. № 3. С. 31.
  35. Информация для сравнения // Самара. 1989. № 8. С. 15–16.
  36. Информация для сравнения // Самара. 1990. № 4. С. 10.
  37. Исторические справки // Самара. 1990. № 3. С.26–27.
  38. Каретников А. Две версии убийства Троцкого // Самара. 1990. № 8. С. 14–16.
  39. [Карикатуры] // Самара. 1989. № 10. С. 6, 12, 15, 23; 1989. № 11. С. 4, 9, 10, 27, 28, 31; 1989. № 12. С. 8, 13, 25, 28; 1990. № 1. С. 13, 16, 23; 1990. № 2. С. 7, 11, 14, 22, 30; 1990. № 3. С. 3, 11, 20, 29; 1990. № 4. С. 4, 23, 27; 1990. № 6. С. 5, 16, 17, 24; 1990. № 7. С. 11, 18; 1990. № 8. С. 4, 9, 19, 23; 1990. № 9. С. 2, 7, 18.
  40. Карлов В. Знакомьтесь: кандидат в новые «фюреры» // Самара. 1990. № 1. С. 6–7.
  41. Карлов В. Начало и продолжение // Самара. 1989. № 8. С. 5–7.
  42. Карлов В. Письмо в однопартийную газету «Волжская коммуна» // Самара. 1989. № 8. С. 8–10.
  43. Кибиров Т. Л.С. Рубинштейну // Самара. 1989. № 8. С. 21.
  44. Левин В. [Стихотворения] // Самара. 1990. № 7. С. 16.
  45. Ленин – вождь революции: маленькая оратория // Самара. 1990. № 9. С. 12–13.
  46. Ликбез // Самара. 1990. № 4. С. 20.
  47. Нам пишут – мы отвечаем // Самара. 1990. № 3. С. 17–19.
  48. Нам пишут – мы отвечаем // Самара. 1990. № 9. С. 19.
  49. Нестеров Е. Дела научные // Самара. 1990. № 1. С. 26–28.
  50. Обращение в Верховный Совет СССР // Самара. 1990. № 6. С. 3.
  51. Обращение к армии // Самара. 1990. №8. С. 3.
  52. Обращение к Межрегиональной группе депутатов Верховного Совета СССР // Самара. 1989. № 8. С. 3–4.
  53. Обращение ко всем коммунистам города Куйбышева // Самара. 1989. № 9. С. 3–4.
  54. Обращение Комитета по реабилитации политзаключенных послесталинского периода // Самара. 1989. № 11. С. 23.
  55. [Обращение к читателям] // Самара. 1989. № 10. С. 2.
  56. Обращение Самарского городского партийного клуба «Демократическая платформа» к товарищам по партии. К тем, кто вышел или был исключен из КПСС по политическим мотивам! // Самара. 1990. № 7. С. 4.
  57. Осторожно – слово! // Самара. 1989. № 9. С. 24–25.
  58. Открытое письмо Самарского городского партийного клуба первому секретарю Куйбышевского горкома КПСС Золотареву В.И. // Самара. 1990. № 1. С. 29–30.
  59. [От редакции] // Самара. 1990. № 7. С. 24.
  60. [От редакции] // Самара. 1990. № 9. С. 24.
  61. Перестройка // Большая российская энциклопедия. Т. 25. Москва, 2014. С. 668–670.

62. Письмо Екатерины Дарер из Вашингтона племяннице в Куйбышев // Самара. 1989. № 12. С. 20–23.
63. Письмо председателя Верховного Совета Литовской Республики В. Ландсбергиса председателю Верховного Совета СССР М.С. Горбачеву. Обращение Верховного Совета Литовской Республики к народам СССР // Самара. 1990. № 4. С. 3.
64. Прав ли Тельман Гдлян? // Самара. 1990. № 3. С. 21–24.
65. Председателю Верховного Совета СССР М.С. Горбачеву // Самара. 1989. № 8. С. 14.
66. Прибытков Л. Международный день прав человека // Самара. 1989. № 12. С. 26–27.
67. Прибытков Л. Удивительное рядом // Самара. 1989. № 11. С. 16.
68. Программа Международной ассоциации советских политзаключенных // Самара. 1989. № 10. С. 16–19.
69. Разлацкий Алексей Борисович: некролог // Самара. 1989. № 10. С. 29.
70. Российские «патриоты» // Самара. 1990. № 4. С. 5–9.
71. Рябушкин А. Радио Свобода // Самара. 1990. № 8. С. 20–22.
72. Самара. 1989. № 8.
73. Самара. 1989. № 9.
74. Самара: отныне и навсегда / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов. Самара, 2021. 192 с.
75. Статеев Н. «Круглый стол» на заводе «Электроцит» // Самара. 1990. № 4. С. 16–19.
76. Статеев Н. Состоится ли суд над Сталиным? // Самара. 1989. № 9. С. 13–15.
77. С улыбкой и без о несмешном // Самара. 1989. № 8. С. 18; 1989. № 10. С. 14.
78. Сушко Ю. Еще раз о «женском вопросе» // Самара. 1990. № 4. С. 9.
79. Уважаемые читатели! // Самара. 1989. № 12. С. 2.
80. Уважаемый читатель! // Самара. 1990. № 1. С. 2.
81. Цена нашего самиздата // Самара. 1990. № 1. С. 3.
82. Черкасов А. Быстротечное время тревожных ожиданий // Самара. 1990. № 2. С. 5–6.
83. Черкасов А. Верный признак // Самара. 1989. № 12. С. 27.
84. Черкасов А. Глупая война мышей и лягушек // Самара. 1990. № 2. С. 28–29.
85. Черкасов А. ... И борьба за умы рабочих продолжается // Самара. 1989. № 12. С. 9–12.
86. Черкасов А. И это платформа считающих себя демократами? // Самара. 1990. № 1. С. 22.
87. Черкасов А. Наемники и профессионалы // Самара. 1990. № 9. С. 14–17.
88. Черкасов А. Не изобретать велосипед! // Самара. 1990. № 3. С. 4–6.
89. Черкасов А. Новый конь Михаила-архангела // Самара. 1989. № 12. С. 24.
90. Черкасов А. Открытое письмо доктору Корягиной // Самара. 1989. № 11. С. 11–15.
91. Черкасов А. Подходящий налог у них и у нас // Самара. 1989. № 10. С. 3–5.
92. Черкасов А. Последняя «распутинщина» // Самара. 1989. № 10. С. 28.
93. Черкасов А. Почему не удается задушить кооперацию в Советском Союзе // Самара. 1989. № 9. С. 16–19.
94. Черкасов А. Психологический анализ истории Государства Российского (от Гостомысла до Горбачева) // Самара. 1990. № 4. С. 28–31; Самара. 1990. № 6. С. 18–21; Самара. 1990. № 7. С. 19–23.
95. Черкасов А. Сколько нам нужно президентов? // Самара. 1990. № 7. С. 4.
96. Черкасов А. Смех плюрализма сквозь слезы маразма // Самара. 1989. № 11. С. 21–22.
97. Черкасов А. Спасение от демократии с помощью Демократической платформы // Самара. 1990. № 6. С. 6–8.
98. Черкасов А. С чего бы это вдруг? // Самара. 1989. № 10. С. 10–11.
99. Черкасов А. Так ли уж нерушимы границы // Самара. 1990. № 4. С. 22.
100. Черкасов А. Умные ошибок не повторяют, или Призрак бродит по союзу «еврокоммунизма» // Самара. 1989. № 9. С. 11–12.
101. Щербаков С. Антология социализма, или Жития святых // Самара. 1990. № 3. С. 28–31.

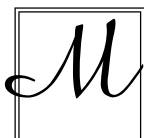

СТАТЬИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 903.01/.09

И.И. Шафигова ***МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЭПОХУ
ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ**

В статье приведен анализ археологических памятников позднего и финального Бронзового века, находящихся на территории Самарской области и имеющих следы металлургического производства. Проведена группировка памятников в соответствии с характером предполагаемого металлообрабатывающего или металлургического производства.

Ключевые слова: археологический памятник, металлургическое производство, металлообработка, медная руда, металлургический шлак, литейные формы.

Металлургия включает в себя полный комплекс производственных операций с металлом – от выплавки металла из руды до получения готовых изделий из этого металла. Если же на месте удастся зафиксировать только изготовление инвентаря из готового металла, то мы можем говорить лишь о местной металлообработке [5, с.13].

В качестве маркеров металлургического производства на памятниках позднего и финального бронзового века мною использованы следующие: медная руда (азуриты и малахиты); орудия, предназначенные для измельчения руды; теплотехнические сооружения (печи); тигли и льячки (как целые, так и их фрагменты); литейные формы (или их части); сплески; слитки и готовые изделия.

Если на памятнике зафиксированы медная руда и медные шлаки – можно говорить о производстве на этом памятнике металла из руды, то есть памятник относится к металлургическим. Также об этом может свидетельствовать наличие металлургических печей, однако это очень редкое явление.

Наличие каменных орудий – молотов, наковален, рудотёрок – является важным критерием, однако однозначно определить функциональную принадлежность тех или иных орудий в большинстве случаев не представляется возможным. Исключение составляют памятники, на которых были проведены трасологические исследования и использование данных орудий подтверждено специалистом-трасологом.

Наличие на памятнике тиглей, льячек, литейных форм, слитков и сплесков при отсутствии медных руд и шлаков свидетельствует о металлообрабатывающем процессе.

Готовые металлические изделия могут являться критерием металлургического производства лишь в том случае, когда среди находок присутствуют соответствующие литейные формы. В исследуемых мной памятниках такого зафиксировано не было.

Учитывая выбранные критерии, на территории Самарской области удалось выделить 21 поселенческий памятник. Все они представлены в табл. 1 [1, 2, 3, 4].

---

* © Шафигова И.И., 2021

Шафигова Ирина Игоревна (isafigova@mail.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Находки, связанные с металлургическим производством на памятниках эпохи поздней и финальной бронзы в Самарской области

№	Слой со следами металлургии	Все слои эпохи бронзы на поселении	Памятник	Руда	Шлаки	Печи	Тигли/фрагменты	Льячки	Литейные формы	Вкладыши в литейную форму	Сплески	Слитки	Готовые изделия	Орудия	С-расскопа кв. м.
1	покровская срубная	покровская срубная ивановская	Григорьевка I					+	+				+		408
2	сусканская	срубная сусканская	Елховка II						+		+		+	+	428
3	срубная		Кибит I	+					+				+		64
4	срубная		Кировское I	+	+						+	+	+		868
5	срубная		Кировское II	+	+						+				200
6	срубная		Кирпичные сараи						+				+	+	щурфы
7	срубная	срубная	Кротовское I		+								+	+	760
8	покровская	покровская	Кряж	+	+						+	+	+	+	4772
9	покровская срубная сусканская	абашевская покровская срубная сусканская	Лебяжинка V		+		+		+		+		+	+	1600
10	срубная		Мамыково I (Сев. ч)								+		+	+	1520
10 _a	срубная		Мамыково I (Юж. ч)								+		+	+	1384
11	срубная		Михайло-Овсянка I	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	644
12	срубная	срубная ивановская	Найденое Озеро I	+	+				+		+		+	+	300
13	сусканская	срубная сусканская ивановская	Нижняя Орлянка II		+				+				+		952
14	срубная	срубная	Похвистнево II		+		+								1800
15	сусканская	срубная сусканская ивановская	Русская Селитьба II				+		+		+	+	+		232
16	срубная	срубная	Сачково Озеро	+	+						+		+	+	742
17	срубная	абашевская срубная	Точка		+				+		+				790
18	срубная	срубная	Фёдоровское II	+	+						+		+		1648
19	покровская срубная	покровская срубная	Шигоны I				+	+		+	+		+	+	1974
20	покровская сусканская	покровская сусканская	Шигоны II						+				+		1600
21	срубная	абашевская срубная	Яковка I	+					+				+		272

Самым представительным оказалось поселение Михайло-Овсянка I. Здесь зафиксирован полный цикл металлургического производства: от плавки металла из руды до готовых изделий. Это единственный на данный момент памятник в Самарской области, на котором подтверждена добыча руды в бронзовом веке.

Также к металлургическим памятникам мною были отнесены: Кировское I, Кировское II, Кряж I, Найденое озеро I, Сачково озеро и Фёдоровское II. На всех этих памятниках среди прочих находок были зафиксированы медная руда и медные шлаки.

На памятниках Кибит I и Яковка I есть руда, но отсутствуют шлаки, а на поселениях Кротовское I, Лебяжинка V, Нижняя Орлянка II, Похвистнево II и Точка есть шлаки, но

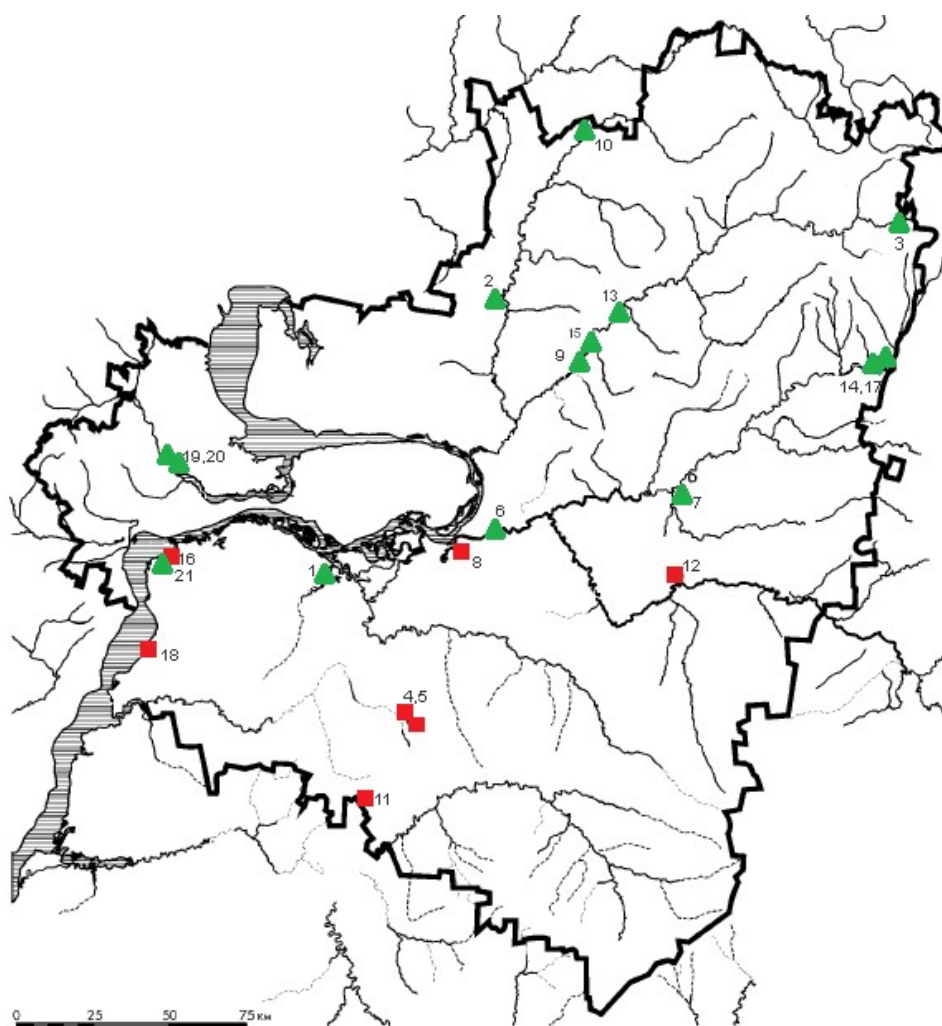

Рис. 1. Археологические памятники со следами металлургического производства

Условные обозначения: ■ - металлургические памятники; ▲ - металлообрабатывающие памятники; 1 – Григорьевка I; 2 – Елховка II; 3 – Кибит I; 4 – Кировское I; 5 – Кировское II; 6 – Кирпичные сараи; 7 – Кротовское I; 8 – Кряж I; 9 – Лебяжинка V; 10 – Мамыково I; 11 – Михайло-Овсянка I; 12 – Найдёное озеро I; 13 – Нижняя Орлянка II; 14 – Похвистнево II; 15 – Русская Селитьба II; 16 – Сачково озеро I; 17 – Точка; 18 – Фёдоровское II; 19 – Шигоны I; 20 – Шигоны II; 21 – Яковка I.

отсутствует руда. Это может говорить о том, что, возможно, в ходе дальнейшего изучения данных памятников некоторые из них могут быть отнесены к металлургическим.

На памятниках Григорьевка I, Елховка II, Кирпичные сараи, Мамыково I, Русская Селитьба II, Шигоны I и Шигоны II присутствуют различные находки, связанные с металлургическим производством, однако медные руды и шлаки отсутствуют, а значит, с уверенностью их можно отнести лишь к металлообрабатывающим.

Таким образом, из 21 выделенного объекта к металлургическим относятся 7, к металлообрабатывающим – 14, 7 из которых при дальнейших исследованиях могут быть отнесены к металлургическим. Расположение памятников хорошо видно на рис. 1.

Концентрация металлургических памятников тяготеет к югу Самарской области, что, скорее всего, связано с близостью сырьевого источника (Михайло-Овсянка I).

Все памятники расположены вблизи рек, которые могут служить транспортной артерией, необходимой для транспортировки сырья, полуфабрикатов и готовых изделий.

Библиографический список

1. Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6. Самара: Книжное издательство, 2017. 580 с.
2. Вопросы археологии Урала и Поволжья: Сб. науч. трудов. Вып. 2: К юбилею Г.И. Матвеевой / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: «Самарский университет», 2004. 373 с.
3. Культурное наследие Самарской области. Т. 2: Объекты археологического наследия. Самара, 2020. 704 с.
4. Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья: Сб. статей / Редкол.: С.Г. Басин. Куйбышев: [б. и.], 1975. 104 с.
5. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

СВЯТИТЕЛЬ ГЕРМОГЕН ВО ГЛАВЕ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ

В статье приведён анализ деятельности митрополита Гермогена во главе Казанской епархии и становления Русской Православной церкви на территории бывшего Казанского ханства с середины XVI по XVII в.

Ключевые слова: Казанская епархия, Гермоген, христианизация, мусульмане, религиозная политика, идеология.

История Казанской земли в составе России начинается с победы войск Ивана IV при осаде Казани 23 августа – 2 октября 1552 года. Каким же образом возникла Казанская епархия? Отправной точкой стал город-крепость Свияжск (тогда Ивангород). В 1551 г. здесь построили первый храм в Казанском крае, сохранившийся до наших дней, – деревянную Троицкую церковь.

С этого момента началось здесь становление православия.

3 апреля 1555 г. по решению Московской епархии Казань и Свияжск объединили в Казанскую епархию. На момент вступления Гермогена в сан митрополита Казанского (13 мая 1589 г.) она относилась к Московской митрополии и занимала среди русских епархий третье место после Москвы (митрополии) и Новгорода (архиепископии). Первоначально епархия включала территорию бывшего Казанского ханства с окрестными районами и Вятскую землю. В 1556 г., после завоевания Астрахани, в нее вошли все земли Среднего и Нижнего Поволжья, во второй половине XVI – начале XVII в. – вновь присоединённые территории Урала и Сибири [6]. В дальнейшем, уже после перевода митрополита Гермогена в Москву, территория Казанской епархии стала сокращаться. В 1602 г. от нее были отделены земли Нижнего Поволжья (Астраханская епархия, в 1620 г. – Сибирь (Тобольская епархия), в 1657 г. – Вятская земля (Вятская епархия) [8]. В Казанском крае проживало около 500 тыс. человек разных национальностей и вероисповедания.

Первыми церковными постройками на новых землях были Спасо-Преображенский монастырь в Казани и Троицкая церковь в Свияжске. В дальнейшем, благодаря развитию миссионерской работы, проводимой православной церковью, храмы стали строиться и в более мелких населённых пунктах. Митрополит Гермоген во время своего управления Казанской епархией не только продолжал следить за состоянием уже существующих церквей, но и был инициатором постройки новых: Богородицкого храма в Спасо-Преображенской обители; Михайло-Архангельского храма, храма в честь Дмитрия Солунского, а также Сергиевского храма в мужском Троицком, ныне Иоанно-Предтеченском монастыре. Также он является основателем мужского Феодоровского монастыря [7, с. 7-24]. При нём появилась духовная литература, повысилась грамотность прихожан [3]. Из всех деяний Гермогена на должности митрополита Казанского особое внимание хочется уделить преобразованиям по отношению к новокрещёным.

По «наказной памяти» Ивана IV от 1555 г. полномочия по управлению новыми землями были разделены между воеводой и казанским архиепископом [2, с. 40]. Таким обра-

* © Тягун Д.Б., 2021

Тягун Диана Борисовна (dianatyagun2000@gmail.com), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

зом были разделены светская и духовная власть. Однако ряд лиц, бывших на данных должностях, либо пренебрегали своими обязанностями, либо делали всё по своему усмотрению [2, с. 44-45]. Это создавало многочисленные препятствия для реализации решений государя в отношении новокрещёных и татарского населения. Все попытки митрополита исправить положение оказались тщетными, и он пошёл на крайние меры – стал писать письма Фёдору Ивановичу. В присланной из Москвы летом 1593 г. грамоте приказывалось от имени царя и по воле митрополита Казанского Гермогена исполнить их нижеуказанную волю: 1) «переписать всех новокрещёных с семьями и слугами...»; 2) поселить новокрещёных в Казани особой слободой, где бы их не только окружал православный люд, но и чтобы следили за их бытом, носят ли они кресты и ходят ли в церковь слушать поучения Гермогена; 3) «отступников от христианства смирать темницами и оковами...»; 4) мечети в Казани упразднить и впредь оных не допускать; 5) русских у татар и немцев отобрать и поселить торгующих в городах, а пашенных в дворцовых (принадлежащих царю) селах среди русских же; б) впредь воспретить принимать христиан на жительство и в услужение [1, с. 40-45].

Грамота царя Фёдора Ивановича стала своеобразным продолжением «наказной памяти» Ивана IV, с той разницей, что первый документ носил рекомендательный, мирный характер. Этот же содержал жёсткие требования, не терпящие пререканий и промедлений [4, с. 156].

Впоследствии отношение к новокрещёным и к мусульманам менялось в зависимости от политики, проводимой тем или иным царем. Из всего вышесказанного видно, что Гермоген не только продолжил, но и улучшил систему по защите и охране православной веры. Миссионерская работа продолжалась и позднее, регулируясь теми же указами на протяжении многих лет [5].

Многим может показаться, что царская грамота содержала в себе суровые наказания и была несправедливой по отношению к чувствам верующих, но не стоит забывать, что во многих религиях правителя воспринимают как ставленника Бога на земле, и разница в вероисповедании не способствовала бы повиновению воли царя. Насколько успешно выполнялась эта программа и какие результаты она дала, сказать трудно. Источники не оставили таких данных, а исследователи спорят об этом до сих пор [1, с. 44]. Во всяком случае, во времена Гермогена о массовом, и тем более принудительном обращении в православие говорить не приходилось, а жесткие методы, подразумевавшие лишение свободы, использовались лишь в крайнем случае [1, с. 43]. По моему мнению, митрополит просто не хотел, чтобы религия становилась игрушкой в руках новой знати, и чтобы православный люд переходил в ислам в угоду своим хозяевам.

В 1606 г. митрополит Гермоген оставил кафедру и был переведён в Москву по велению Василия Шуйского, где 3 июля 1606 г. принял патриарший сан. Находясь на патриаршем посту, он не забывал об оставленной епархии и всегда спрашивал в письмах о текущем положении дел у нового митрополита, а если было необходимо, наставлял и давал советы.

Таким образом, Гермоген многое сделал для русских людей, заселяющих новые территории. Именно при нём местная епархия стала надёжным оплотом православия. Власть на новых землях приходилось устанавливать в крайне сложных условиях. Совместное проживание православных и мусульман, неравенство крещёных и некрещёных, высокие налоги, а также самовольство местной власти затрудняли проведение религиозной политики в крае. Но митрополит не отступал и довёл намеченное до конца. Гермоген по отношению к мусульманам преследовал цель не наказать тех, кто нарушил волю государя, а защитить православный народ от угнетения, а саму веру от поругательства.

Библиографический список

1. Володихин Д.М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015. 297 с.
2. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань: Изд-во Казан ун-та, 1982. 223 с.
3. Житие патриарха Гермогена // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru//days/sv-ermogen-moskovskij>
4. Загидуллин И.К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещён в Казанском крае во второй половине XVI – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. №8. С.146-166.
5. История татар. Т. V: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 1032 с.
6. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 845 с.
7. Покровский И.М. Гермоген, митрополит казанский и астраханский, впоследствии патриарх всероссийский, первый местный духовный писатель-историк, и его заслуги для Казани: (С 1579 по 1606 г.): Речь, прочит. в годич. собр. О-ва археологии, истории и этнографии 18 марта 1907 г. / И.М. Покровский, д. чл. О-ва арх., ист. и этн. Казань: типо-лит. Ун-та, 1907. 28 с.
8. Покровский И.М. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-историч., стат. и геогр. исследования. Т. 1: XVI-XVII вв. Казань: Центральная типография, 1897. 602 с.

ПЁТР I В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье представлен историографический анализ исследований правления Петра Великого, вышедших в современный, постсоветский период. Рассматриваются методы изучения и оценка личности первого русского императора и его реформ, подходы к основным вопросам петровской эпохи в исторической науке.

Ключевые слова: историография, история исторической науки, современная наука, реформы, Петр Великий.

Фигура Петра Великого – одна из самых знаковых фигур в отечественной истории, интерес к которой особенно возрастает во времена радикальных преобразований в обществе. Именно такое время настало в России в начале 1990-х годов, когда стала меняться идеология, подходы и взгляды к рассмотрению истории.

Больших конкретно-исторических исследований, отдельно посвящённых Петру как личности, в современной историографии нет: работы, вышедшие после распада СССР, либо изданы в самом начале 1990-х гг. (а значит, работа над исследованием проходила гораздо раньше), либо являются доработанными переизданиями, как, например, труды известного исследователя петровской эпохи Н.И. Павленко, и их правильнее отнести к советской историографии. Наиболее полно вопрос личности Петра затрагивается в статьях. Например, в статье И. Андреева «Пётр I и Карл XII – два портрета в интерьере истории» [1], где личность русского императора исследуется через сопоставление его с главным «коронованным оппонентом», шведским королём Карлом XII, на основе писем и свидетельств современников. Отмечается, что схожесть государей в непохожести на других и «упрощение Карла – одновременно и упрощение самого Петра», а в самом Петре выделяется простота и грубость, жестокость и пьянство, формировавшие «хмельной» стиль жизни нового двора. Также отмечается трудолюбие, которое стало определяющей чертой сформированного Петром нового образа монарха, чувство долга и то, что, в отличие от Карла, Пётр сам становится слугою государства: «судьба Петра и Карла – история извечного спора о том, какой правитель лучше: идеалист, ставивший превыше всего принципы и идеалы, или прагматик, твёрдо стоявший на земле и предпочитающий реальные, а не призрачные цели»; Андреев относит Петра к прагматикам.

А.А. Демичев посвятил статью реконструкции образа Петра Первого, сложившегося в сознании людей конца XVIII века, на основе анекдотов XVIII века как историографического явления [4].

В крупных монографиях также затрагивается вопрос о личности императора в контексте исследования реформ. Один из ведущих исследователей данного периода, Е.В. Анисимов, характеризует Петра как выдающегося человека и «фанатичного государственного романтика» [2, с. 4]. Он возводит формирование этих черт к детству, политической

---

* © Сержантова О.Д., 2021

Сержантова Ольга Дмитриевна (s.o.d.99@ya.ru), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

придворной борьбе, свободе времяпровождения царевича и военным играм [9, с. 5-6; 2, с. 8]. В целом описание личности Петра Великого в современной историографии не претерпело изменений, но ученые к обращаются к новым источникам и методам, чтобы дать характеристику одной из самых неоднозначных фигур в российской истории, избегая прямой связи личностных черт с оценкой преобразований Петра.

Особое место занимает вопрос о преемственности реформ: была ли это исключительная инициатива Петра или закономерное развитие предшествующей эпохи? В постсоветской историографии не сложилось единого мнения. А.Б. Каменский в работе «От Петра I до Павла I» [6], посвящённой целостному анализу реформ XVIII века, указывает, что радикальным петровским реформам должен был предшествовать системный кризис. Эту позицию он противопоставляет утвердившемуся в советское время мнению о предшествующем высоком уровне развития страны в XVII веке: «Именно то обстоятельство, что переход системы в новое качество был невозможен без радикальной реформы... и является одним из свидетельств её кризиса» [6, с. 82]. Напротив, Е.В. Анисимов, отвергая теорию «кризисов и новаций», акцентирует внимание на таких предпосылках реформ, как личная неприязнь Петра к старине, политическая слабость элиты и отсутствие закрепляющих порядок власти правовых форм, при этом старую систему Анисимов считает исправной [3].

Помимо крупных обобщающих монографий, исследующих реформы комплексно, в последние десятилетия появляется множество конкретно-исторических исследований, в основном в формате статей, посвященных определенным сферам преобразований: финансам, государственному аппарату и т.д. В таких исследованиях также ставится вопрос о предпосылках реформ. Л.А. Муравьева в «Финансовой политике Петра Великого» [8] развивает теорию кризиса как причины денежной реформы. Говоря о самой реформе, историк отмечала взвешенный и продуманный характер её проведения. Церковной реформе посвящена статья «Из церковной истории времён Петра Великого: исследования и материалы» [5] В. Живова, примечательная рассмотрением и введением в научный оборот сочинения митрополита Стефана Яворского и опровержением мнения о пассивной оппозиции реформам Петра. Но здесь автор говорит о преемственности церковных реформ от Алексея Михайловича и его старших детей: «Молодой Пётр не выступает в качестве радикального новатора. Он действует в тех координатах, которые обозначились при его старшем брате и сестре: поддерживает европейские инновации и утверждает права царства, ограничивая роль священства. Однако, продолжая, он развивает и преобразует» [5, с. 37].

Говоря о деятельности Петра Великого, нельзя упустить из вида его внешнюю политику. В постсоветской историографии Северной войне и связанной с ней теме армии уделено немало внимания. Например, в исследовании А.В. Кутищева «Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность» [7] рассматриваются прежде всего условия становления русской регулярной армии, которые повлияли и на формирование её типа. Таковыми были финансовая ограниченность и недоверие царя к московскому войску. Истоки реформ автор видит в деятельности предшественников Петра, при этом военную реформу Кутищев определяет как «локомотив» всех преобразований.

Подводя итоги, следует отметить, что новый этап развития отечественной историографии неразрывно связан с произошедшими в стране социально-политическими изменениями. Шёл пересмотр прежних идей и установок, появились новые концепции истоков реформ, которые прямо противопоставлялись советскому пониманию, развивалось изучение отдельных направлений преобразований, особенно церковного, вводились в оборот ранее не использованные источники.

Библиографический список

1. Андреев И. Пётр I и Карл XII – два портрета в интерьере истории // Наука и жизнь. 2005. № 7. С.104-113 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/1378>
2. Анисимов Е.В. Пётр Великий: личность и реформы. М.: Питер, 2009. 446 с.
3. Анисимов Е.В. Почему Пётр? // Родина. 2007. №11. С. 2-4.
4. Демичев А.А. Образ Петра I как «идеального» монарха в российском менталитете XVIII века (по материалам исторических анекдотов) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4(20). С. 20-25.
5. Живов В. Из церковной истории времён Петра Великого: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 355 с.
6. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
7. Кутищев А.В. Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность. М.: Компания Спутник+, 2006. 407 с.
8. Муравьёва Л.А. Финансовая политика Петра Великого // Финансы и кредит. 2007. №9. С. 72-80.
9. Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / сост. Анисимов Е.В. СПб.: Пушкинский фонд; М.: Париж; Нью-Йорк: Третья волна; М.: Внешсигма, 1993. 447 с.

**«ИЗ ТЕРЕМА НА ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ПАРКЕТ»: АССАМБЛЕИ
КАК ЧАСТЬ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ**

В статье приведено описание такого исторического процесса, как возникновение и развитие в Российском государстве ассамблей. Значение этого явления характеризуется как «реабилитация» женской природы на рубеже XVII–XVIII веков.

Ключевые слова: женщина, ассамблеи, Немецкая слобода, время Петра I

Исследователи подчеркивают, что в культуре переходного времени, в конце XVII века, начинается процесс реабилитации женской природы, но он идет медленно и вяло, пока Петр Великий не вмешивается с реформами жизни и культуры. В реформах частной и общественной жизни Петра I женщинам отводилось особое место. По замыслу преобразователя, выпущенные из терема на бальный паркет и облаченные в платье на европейский манер, женщины могли бы содействовать смягчению нравов русского общества, быстрейшему изменению всех сторон жизни русского человека [1, с. 182].

Петр I прекрасно понимал, что дело преобразования отечества двинется вперед гораздо быстрее, если удастся приобщить к новшествам женщин. И в пользу этого свидетельствует разработка регламента заведения в России ассамблей, в составлении которого, несомненно, принимал участие и сам царь.

Объявление об учреждениях ассамблей, подписанное генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга А. Дивинером в 1718 г., гласило подданным, что ассамблеи – это французское слово, которое на русском языке одним словом выразить сложно, но можно сказать так: «свободное, в каком-то доме собрание или встреча делается не только для развлечения, но и для делового толка» [5, т. V, № 3246, с. 597]. Участие женщин, танцы и шахматы имели целью не допустить превращения ассамблей в сугубо деловые собрания [6, с. 201]. Причем было «характерно, что... для женщин вход был свободным. Иного способа привлечения женщин на вечер не было» [6, с. 201]. Нельзя не согласиться с характеристикой ассамблей, данной В.О. Ключевским, который сказал, что это была и биржа, и клуб, и дружеские посиделки, и вечер танца. Здесь гости говорили о делах, о новостях, играли, пили, танцевали. Не было никаких церемоний, никаких собраний, никаких проводов, никаких пожеланий: все приходило, ели, что хозяин ставил на стол, и уезжали на свое усмотрение [4, с. 140].

Иконников говорит о том, что прототип будущих ассамблей стоит искать в Немецкой слободе [2, с. 62]. В слободе девушки и дамы были не только активными участницами, но и подлинным украшением вечеринок, тогда как «русская боярыня или боярышня отвечивала поклоны за торжественными обедами московской знати, либо церемонно лобызалась с почетными гостями по воле хозяина дома... От теремных красавиц трудно было добиться других ответов, кроме “да”, “нет”, “не знаю» [4, с. 125].

Основным развлечением на ассамблеях являлись танцы; с их помощью молодые мужчины и девушки собирались вместе, дамы знакомились с мужчинами, и поэтому в глазах

* © Крылова А.В., 2020

Крылова Анна Вячеславовна (kryton421128@yandex.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

старшего поколения русских людей обычаи танцев казались поначалу чрезвычайно безнравственным развлечением: мужа ревновали своих жен к другим кавалерам, а матери смотрели на танцы так, словно в них соблазняли их дочерей. Однако этот ропот скоро утих. Особенно выразительными среди танцоров были царь в паре с царицей, говорили, что Екатерина, как и Петр, танцевала очень ловко и проворно. В паре с супругом она успевала сделать три круга, тогда как остальные не успевали еще окончить и первый. Дочери Петра — Елизавета и Анна — танцевали также много и весело.

Е.П. Карнович говорит о том, что, безусловно, русские боярыни и хозяйки, впервые посещавшие ассамблеи, выглядели смешными и неуклюжими. Затянутые в тугие корсеты, с огромными фижмами, в туфлях на высоком каблуке, с высоко начесанными и, по большей части, припудренными волосами, с длинными «шлёпами» или шлейфами, они не могли не только легко и грациозно кружиться в танце, но и не знали, как встать и сесть [3].

Указ об ассамблеях послужил первым шагом к тому, чтобы и у нас женщины заняли в обществе то положение, какое по праву принадлежало им в Западной Европе. С.С. Комиссаренко, в свою очередь, утверждает, что ассамблеи стали не только местом приятных развлечений, где женщины демонстрировали свою красоту и беспрецедентные наряды, но и центром социальной и культурной «реабилитации» русских женщин. Благодаря культурным преобразованиям Петра I женщины стали приобретать социальный статус в жизни российского общества. Жизнь женщин допетровской эпохи была изолирована от всех социальных процессов. Не имея связи с внешним миром, женщина была лишена всех гражданских прав. Ее личные качества – ум, воспитание, чувство собственного достоинства – не были востребованы обществом. Это был только заветный товар, жизнью которого распоряжались его родственники [1, с. 89]. С созданием ассамблей женщина стала появляться в положении, отличном от прежнего. Теперь она, вместо скромной и молчаливой хозяйки дома, которая предлагала своему гостю с глубокими поклонами чарку водки, была королевой праздника.

Спустя некоторое время иностранцы, посещавшие Россию в эпоху преобразований, видели не только внешние, но и внутренние изменения в представительницах женского пола. Так на страницах своих записок Ф.В. Берхгольд отразил свои впечатления о русских женщинах. Он, отмечая их поведение на данных собраниях, писал, что «русская женщина, еще недавно грубая и темная, так изменилась с хорошей стороны, что теперь не уступает западноевропейским девушкам в нравах обращения и светскости, а иногда, в некоторых отношениях, даже имеет перед ними превосходство» [3].

Представительницы «высшего сословия», проживавшие в крупных городах, вообще не задумывались о ведении хозяйства, управлении домом и т.п., более их заботили такие вопросы, как обустройство дома, «модные туалеты» и различного рода развлечения.

Библиографический список

1. Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVII – начала XX в. М.: Центрполиграф, 2003. 349 с.
2. Иконников В.С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Киев: Университетск. тип., 1874. II, 102 с.
3. Карнович Е.П. Исторические рассказы и бытовые очерки. СПб.: А.С. Суворин, 1884. 517 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookre.org/reader?file=762651>
4. Комиссаренко С.С. Культурные традиции русского общества. СПб.: СПбГУП, 2003. 300 с.
5. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Собрание I (1649-1825). СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV-V.
6. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л.: Наука, 1982. 280 с.

ПЕРЕПИСКА ЕКАТЕРИНЫ II И ГРИГОРИЯ ПОТЕМКИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ИЗДАНИЯ

В статье рассмотрены попытки изучения и публикации личной переписки Екатерины II и Григория Потемкина. Определена историческая значимость сохранившейся коллекции писем.

Ключевые слова: письма, Екатерина II, Григорий Потемкин, «Русский архив», исторический источник, архив, журнал.

История без истории – значит жить без памяти. Без истории люди, семьи, народы превращаются в манкуртов, не знающих смысла, не ведающих о прошлом, не понимающих настоящего, не интересующихся будущим.

Но как доверять истории, если все, что нам нужно, покрыто пылью веков, ушло в предания, подвергнуто тлену? Ответить на этот вопрос может помочь источниковедение. Методы, используемые этой наукой, позволяют обнаружить, прочесть и понять информацию, содержащуюся в совокупности источников, сохранивших уникальные сведения об историческом прошлом. Только на основе их анализа можно раскрыть процесс исторического развития в целом, изложить события и факты, проанализировать их, определить подлинность тех или иных событий. При этом необходимо учитывать, что характеристики, даваемые современниками, носят субъективный характер, отвечают либо чаяниям определенной личности, либо эпохе, в которой она жила и действовала. Особая сложность в этом отношении состоит в использовании эго-источников: дневников, мемуаров и, разумеется, писем.

В отечественной исторической науке не однажды предпринимались попытки изучения и публикации крупных коллекций писем и других личных документов, принадлежащих выдающимся государственным деятелям России. Достаточно ярко их иллюстрирует опыт так и не завершеного до конца многотомного издания писем и бумаг императора Петра Великого. И таких примеров достаточно много.

Не меньший интерес для исследователей представляет переписка Екатерины II и Григория Потемкина. Несомненно, что это собрание является гораздо более локальной и имеющей прежде всего личностный характер коллекцией документов. Но ее значимость в изучении истории последней трети XVIII в., раскрытии важнейших перипетий судеб правителей Российской империи несомненна. В своей переписке императрица и ее фаворит помимо личностных отношений не однажды обсуждали важнейшие вопросы внутренней и внешней политики огромного государства.

Именно поэтому в своем будущем исследовании мы ставим перед собой цель выявить особенности взаимоотношений императрицы Екатерины II и Григория Потемкина, получивших отражение в их переписке, и определить историческую значимость сохранившейся коллекции писем. А пока для выполнения этой большой и требующей значительного времени и усилий исследовательской задачи в данной статье мы ограничиваемся краткой историей выявления, изучения и публикации переписки Екатерины II и Г. Потемкина.

* © Шафран Е.В., 2021

Шафран Екатерина Владимировна (ekaterina77215@gmail.com), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Хранящееся в архивных фондах собрание писем претерпело длительный путь становления как доступный исследователям и всем интересующимся прошлым нашей страны исторический источник. Екатерина II, несомненно, является одной из самых ярких и привлекающих внимание личностей в истории не только России, но и Европы. Именно это и стало причиной столь пристального внимания к рассматриваемой переписке. Ею как историческим источником занимались многие деятели российской науки, такие как П.И. Бартенев, Я.К. Грот, М.И. Семевский и другие исследователи.

Уже во второй четверти XIX в., по словам Д.И. Блудова, одного из министров Николая I, последний поручил ему разобрать бумаги Екатерины Великой, среди которых находились и ее письма к Потемкину. Очевидно, с ними смог познакомиться сам император, приказавший оставить обнаруженные материалы на хранение в своем кабинете [2, с. 440]. Только в конце XIX в. они были извлечены для подготовки академического издания сочинений императрицы [3].

Однако еще в 1881 г. М.И. Семевский, редактор и издатель журнала «Русская старина», вышедшего в Петербурге, издал 91 «записочку» из переписки Екатерины и Потемкина под заглавием «Язык любви сто лет назад» [5].

Новые «письма-записочки» Екатерины II Потемкину выявил С.А. Панчулидзе. В своей работе «Сборник биографий кавалергардов» автор опубликовал еще 20 писем. Интересен тот факт, что они хранились в Собственной Его Императорского Величества библиотеке в Зимнем дворце [2, с. 484].

В начале XX в. положение относительно свободной печати резко меняется. Новая советская власть закрыла «Русский Архив», «Русскую старину» и другие дореволюционные журналы. Тем не менее, ГПУ заключило договор с историком Я.Л. Барсковым о публикации любовных писем Екатерины II и Григория Потемкина. Однако эта попытка не имела логического завершения – публикация не состоялась. И.С. Зильберштейн объяснял это тем, что данная переписка не относится к истории.

Зато несколько позднее собранные Барсковым материалы выходят во Франции. А в 1934 году в русском эмигрантском журнале «Иллюстрированная Россия» были опубликованы заметки «Великая любовь». В них А. Кашина-Евреинова описала историю появления во Франции писем Екатерины II Потемкину, а также познакомила читателей со своими исследованиями по данной переписке.

Только во второй половине XX в. рассматриваемая переписка была опубликована в России. Письма и комментарий Я.Л. Барскова были размещены в журнале «Вопросы истории» благодаря усилиям Н.Я. Эйдельмана [4]. Он сопроводил публикацию кратким предисловием, где отметил большое историко-культурное значение писем.

И наконец, В.С. Лопатин в 1997 г. выпустил книгу «Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769-1791», которая вплоть до настоящего времени считается самым полным изданием переписки двух крупнейших государственных деятелей России XVIII в. [1]. В нее вошло много новых, ранее не изданных «писем-записочек», которые составляют почти половину книги. Данная переписка была систематизирована и проработана для того, чтобы было возможно установить время появления всех составляющих ее писем.

Библиографический список

1. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769-1791. М.: Наука, 1997. 989 с.
2. Лопатин В.С. Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769-1791. М.: Наука, 1997. С. 473-540.
3. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1867-1916. Т. 13, 27, 42.
4. Эйдельман Н.Я. Письма Екатерины II Г.А. Потемкину // Вопросы истории. 1989. № 7-10.
5. Язык любви сто лет назад // Русская старина. 1881. № 7. С. 196-300 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1780-1800/Potemkina_P_A/text2.htm

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН XVIII ВЕКА – ОСОБЕННОСТИ БЫТА И КУЛЬТУРЫ

В статье приведен анализ особенностей быта и культурной жизни русского крестьянина XVIII века на основе записок современников. Охарактеризован быт крестьян, основные праздники, обычаи и их влияние на образ жизни сословия в целом.

Ключевые слова: крестьяне, быт, культура, праздники, обычаи.

Русское общество на протяжении всей своей истории поражало своим разнообразием. XVIII в. для него стал новой ступенью в развитии основных жизненных сфер. Наиболее многочисленным и специфичным сословием страны являлось в этот период крестьянство. Весьма интересно то, как крестьяне жили в столь непростые времена: как был устроен их быт, как они проводили свой досуг? Именно на эти ключевые вопросы мы попытаемся ответить, основываясь на изучении записок руководителей и сотрудников научных экспедиций, а также воспоминаний людей того времени.

Крестьяне, как и представители всех сословий XVIII в., жили в собственных домах, традиционно называемых избами. Конечно, эти избы не представляли собой значительные по размерам здания, украшенные дорогими элементами декора. Однако они были достаточно приспособлены для суровых природных условий континентальной России, что было крайне важно для крестьян. Стоит вспомнить, что длительное время значительная часть таких изб мало отличалась от полуземлянок. В XVIII в. жилые строения стали просторнее, выше поднялись над уровнем земли. Как правило, под крышей не было потолка. Дым от печи скапливался наверху и выходил через маленькие волоковые оконца. Печи в избах не имели выходящих наружу труб и топились по-черному. Такие избы назывались чёрными, т.к. в них было черно от копоти. По словам И.И. Лепехина, каждый житель, например, чувашской деревни, имел свой дом, который, смотря по достатку, огораживали тыном или забором [2, т. 1, с. 138]. Внешний облик жилой части дома и хозяйственных дворовых построек, планировка внутреннего пространства, меблировка определялись природно-климатическими условиями, общерусской и местной традициями и имели отличия в разных регионах расселения русского и других народов.

Не менее известный академик И.Г. Георги в своих описаниях придавал особое значение внутреннему убранству избы. Он отмечал, что в избе около стен находились деревянные прилавки или скамьи на деревянных ножках. В переднем углу избы находится длинный деревянный стол. А в углу, на стене изображения или угодников божиих, почитаемых российской церковью, или же лик Спасителя и Богоматери на полках [1, с. 181]. Русское крестьянство было истинно верующим народом, об этом можно судить по наличию икон в домах, ведь в крестьянском доме им было отведено отдельное место. Но оно неуклонно соблюдало не только православные христианские традиции и обряды, но и вплетенные в них языческие поверья и действия.

---

* © Семькина А.М., 2021

Семькина Анастасия Михайловна (nastyasemykina99@mail.ru), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Кратко рассмотрим непосредственно место почивальни крестьян. Зимой спали на печках, летом же отдыхать могли на открытом воздухе, подложив соломы или сена и покрыв «оною дерюгою», а иногда могли спать и на войлоке без подушки или с небольшой подушкой, одеяло было жидкое из дерюги, чаще накрывались той одеждой, в которой ходили днем [1, с. 183].

Возникает вопрос, насколько были крестьяне чистоплотными? Нужно отметить, что для всей семьи обязательной была еженедельная баня. Бани по большей части были деревянные, имели несколько помещений, одно из них – парилка, в которой устраивались полки и широкие скамейки для сидения. Печка была большой, сверху неё укладывали камни, на них лили воду для пара и жары [1, с. 182]. Современный поход в баню особо не отличается от XVIII века, люди так же «поддавали парку» и хлестали себя вениками.

Говоря о внутренних элементах быта, для начала рассмотрим посуду, которой пользовались крестьяне. В основном она состояла из деревянных чашек, ложек, глиняных плошек – всё это было собственного производства. Вилки, как правило, крестьянские семьи не употребляли [1, с. 137].

Крестьяне, как и любое другое сословие, населяющее Россию, не только трудились, но и отдыхали. Условно праздники, бытовавшие в их среде, можно разделить на четыре группы: календарные, трудовые, храмовые и семейные [3, с. 18-19]. Каждое празднество состояло из нескольких частей, действий, присущих именно этому и только этому случаю.

Распределение крестьянских «увеселений» во времени определялось в первую очередь календарем сельскохозяйственных работ. К середине сентября, к примеру, в Западной Сибири завершалась в основном уборка урожая, и именно тогда открывался «веселый сезон» в жизни деревенской молодежи: начинали устраивать вечерки, являвшиеся одной из излюбленных форм досуга, или, как их называют в некоторых описаниях путешественники, посиделки. Устраивались посиделки и в вечернее, и в дневное время в доме одного из участников. Время проводили в песнях, играх и плясках под балалайку, скрипку, гармонику, бубен, гудок, дудку, волынку, гусли, пастуший рог [1, с. 178]. Пляска зависела от темпа и ритма песни, а также от того, на каком празднестве она исполнялась.

Современники отмечают, что песни у крестьян были «рассортированы» на военные, молодецкие, уличные, хороводные, свадебные, разные величальные: для стариков и старушек, для заслуженных, для женатых и замужних, для девиц, для холостых и для вдовых мужчин и женщин, даже для попов и монахинь с обозначением каждого величаемого лица состояния; особые песни были также на разные случаи: свиданий, расставаний, для отправляющихся на войну, о разной участи, постигшей их там, – особенно с «претрөгательными» голосами, для возвращающихся с войны, радостные, печальные и даже плачевные [4, с. 140].

Важным событием для человека является приход в этот мир – рождение. Отметим, что женщины часто рожали в полях, в самое жаркое время, приносили домой младенца, нагревали водку и обмывали его, пеленали, готовили ужин или обед семейству и ждали обычных обрядов Крещения [1, с. 174].

Не менее важным событием являлись похороны. Они проходили по определенному обряду: тело обливали водой, одевали в одежду, в которой ходил покойный, изготавливали гроб деревянный, дощатый или по достатку выкрашенный и обитый холстиною или сукном или другими материями [1, с. 185]. В родительскую субботу, которая бывает после светлого Христова Воскресения через несколько дней и по осени, вспоминали об умерших [2, т. 4, с. 258].

Таким образом, можно сделать ряд выводов о быте и культуре крестьян XVIII в. Несмотря на бедность, они могли себя обеспечить всем необходимым. Крестьянин самостоятельно возводил всё, начиная от избы и заканчивая домашней утварью. Эти люди,

---

по мнению наблюдателей, жили счастливой жизнью, хоть она была крайне нелегкой. У них были свои праздники и обряды, которые сохранили свою актуальность и сегодня. Крестьянство смогло сохранить и приумножить свои особенные черты быта и культуры.

Библиографический список

1. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4 ч. Ч.4. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1799. 385 с.
2. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. В 4 ч. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1771-1805.
3. Миненко Н. А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII первой половины XIX в. // Советская этнография. 1979. № 6. С.18-31.
4. Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век. Ч. 1-2. Время Екатерины II: Вып.2. М.: Задруга, 1922. 234 с.

ИСТОРИЯ МУЗЕЕФИКАЦИИ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ

В статье рассматривается процесс музеефикации Царскосельского лицея, описываются мемориальные экспонаты и основные экспозиции современного Музея-Лицея.

Ключевые слова: Царскосельский лицей; музей-лицей; Пушкин.

Царскосельский лицей был основан в 1811 году по инициативе Александра I с целью воспитания и обучения дворянских детей. Лицей был создан под непосредственным влиянием идей русского Просвещения и не только давал лучшее по тем временам образование, но и стремился сформировать «государственный» тип личности – участника и творца исторических событий, личности, которая способствовала бы просвещению и укреплению Российской империи.

В 1855 г. лицейский староста первого пушкинского курса М.Л. Яковлев подарил Лицею автограф стихотворения А.С. Пушкина «19 октября» 1825 года – гимн лицейскому братству. Это был первый экспонат будущего музея.

В 1861 г. отмечалось 50-летие Императорского Царскосельского лицея и в Большом зале лицея был установлен бюст А.С. Пушкина, а зал получил новое наименование – Пушкинский. В последующие годы в зале появились портреты первых директоров Лицея – В.М. Малиновского и Е.А. Энгельгардта, также был размещен и бюст министра иностранных дел А.М. Горчакова (лицеист I выпуска). Позднее открылась Пушкинская библиотека, положившая начало Пушкинскому музею Императорского Александровского Лицея [3, с. 11].

В 1879 г. в здании Александровского лицея на Каменноостровском проспекте в Санкт-Петербурге открылся музей. Особое внимание в экспозициях было уделено не только созданию Царскосельского лицея (1811-1843 гг.), его традициям, судьбам воспитанников, но и известнейшему выпускнику – А.С. Пушкину.

Фонды музея пополнялись экспонатами, которые приносились профессорами и бывшими воспитанниками в Лицей и были связаны с историей учебного заведения. К таким мемориальным вещам можно отнести личные вещи первого лицейского директора В.Ф. Малиновского, учебные тетради будущего министра иностранных дел А.М. Горчакова, формулярный список о службе профессора Я.И. Карцова, различные издания учебников лицейских профессоров.

Важной темой музея являлось и увековечение памяти А.С. Пушкина в Царскосельском лицее. В музей за счет членов семьи Пушкина, ближайших друзей и бывших лицейских товарищей передавались личные предметы поэта (автографы, гравюры, портреты). Эта коллекция стала основой для создания в 1930-е гг. Всесоюзного музея А.С. Пушкина.

В 1911 г. в музее возникла идея факсимильно издать рукописи Пушкина. Издание было осуществлено одним из лицейстов LXXIX курса, князем императорской крови Оле-

---

* © Улитина Д.М., 2021

Улитина Дарья Михайловна (carol.lee633@gmail.com), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

гом Константиновичем, чьим кумиром был великий писатель. Бывший выпускник Я.К. Грот передал в коллекцию музея свыше 100 автографов, журналов и рукописей, в том числе и автограф стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе», некогда поднесенный автором Г.Р. Державину [2, с. 13].

После революции и закрытия Пушкинского музея в здании Александровского лицея на Каменноостровском проспекте в Санкт-Петербурге был открыт Пролетарский техникум, а здание бывшего Лицея в Царском Селе на улице Пушкина использовалось для квартир деятелей культуры: литературоведа Н.П. Анциферова, поэта О.Э. Мандельштама, художника К.С. Петрова-Водкина. В период Великой Отечественной войны здание бывшего лицея в Царском Селе было разрушено, но уже через год начались восстановительные работы по проекту архитектора Л.М. Безверхнего.

Обновленный Пушкинский музей открылся 10 июня 1949 г. в бывшем здании Императорского Царскосельского лицея, где были воссозданы интерьеры нескольких помещений лицея на период обучения в нём первого, пушкинского выпуска [4, с. 26]. В июне 1974 г. состоялось открытие обновленной экспозиции Мемориального Музея-Лицея.

В 2011 г. в музее открылась новая экспозиция «Живем мы памятью лицея...», отражающая интерьеры помещений учебного заведения, рукописи и рисунки лицеистов, личные вещи воспитанников и педагогов.

Один из разделов экспозиции посвящен петербургскому периоду существования Лицея, связанному с такими известными преподавателями, как академик Н.А. Котляревский, юрист А.Ф. Кони, историк В.И. Семеновский, математик В.И. Чебышев. В музее по архивным материалам воссозданы [5, с. 27]:

1. большой зал, где проходили торжественные мероприятия;
2. «газетная» комната (иногда «богомольная»), где лицеисты проводили время за чтением русских и иностранных журналов;
3. библиотека (подлинные собрания книг по русской истории, зарубежной литературе пушкинской поры с печатью Лицея);
4. проходная комната, где находились учебные конторки, за которыми лицеисты делали уроки, читали, рисовали и занимались чистописанием;
5. учебный класс, где проходили занятия по всем предметам;
6. физический кабинет, где читался курс аналитической геометрии, физики, астрономии, алгебры, арифметики;
7. классы рисования и пения, где проходили занятия изящными искусствами и чистописанием;
8. спальный коридор и комнаты воспитанников (или «нумера»).

В вестибюле Музея-Лицея был открыт бюст М.М. Сперанского как одного из сооснователей создания Императорского Царскосельского Лицея, а также появилась новая экспозиция «Квартира С.Г. Чирикова» – учителя рисования и гувернера. Это был последний этап музеефикации лицейского здания, продолжавшейся несколько десятилетий.

Подводя итог, стоит отметить, что начало музеефикации Царскосельского лицея было положено ещё в период существования самого Лицея. Основные экспозиции были посвящены одному из ярчайших выпускников Лицея – поэту А.С. Пушкину и его первому выпуску. В последующие годы музей пополнялся всё новыми экспонатами, но после революции он был закрыт. Обновленный музей был открыт в середине XX в.; в настоящее время он включает в себя новые экспозиции [1], которые освещают не только период нахождения Лицея в Царском Селе, но и петербургский период его существования.

Библиографический список

1. Всероссийский музей А.С. Пушкина. Мемориальный музей-лицей [Электронный ресурс]. URL: http://www.museumpushkin.ru/vserossijskij_muzej_a._s._pushkina/memorialnyj_muzej-licej.html
2. Некрасов С.М. Первый Пушкинский музей в России. Научно-популярное издание. СПб.: Издательство «Аврора», 2019. 64 с.
3. Некрасов С.М., Иезуитова Р.В. Пушкинский музей: альманах. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2014. 388 с.
4. Некрасов С.М., Иезуитова Р.В. Три эпохи музея. СПб.: Всероссийский музей А.С. Пушкина., 2004. 322 с.
5. Щепетков И.П. Мемориальный Музей-Лицей. СПб.: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2017. 32 с.

ИМПЕРАТОРСКАЯ СЕМЬЯ И ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассмотрены биографические данные, социальное положение, а также степень политического влияния родственников императора Николая II – великих князей в начале XX века. Кроме того, затрагиваются особенности взаимоотношения представителей дома Романовых и императорской семьи, включавшей в себя ближайших родственников Николая II.

Ключевые слова: императорская семья, императорская фамилия, великие князья, Николай II, дом Романовых, самодержавие.

Императорская фамилия в России являлась социальной группой, имеющей свой собственный уникальный юридический статус, мировоззрение и традиции; в начале XX века она подверглась значительным изменениям как в структурном, так и в социальном отношении [3, с. 39]. Необходимо отметить, что внутри самой императорской фамилии – между великими князьями и императорской четой – в этот период произошёл социальный и структурный раскол правящей элиты, который оказал негативное влияние на жизнь великих князей. Во-первых, снижался их социальный статус, которым они обладали по праву происхождения, вне зависимости от профессиональных навыков. Во-вторых, это повлияло на снижение их политического влияния вследствие многочисленных противоречий, имевших место внутри бюрократической элиты [6, с. 2]. В таких условиях одним из определяющих источников власти великих князей осталась лишь близость к императору [6, с. 2].

Ещё до восшествия на престол императора Николая II его ближайшие родственники – великие князья Сергей Александрович, Владимир Александрович, Алексей Александрович и Михаил Николаевич – старались оказывать значительное влияние на будущего императора. Воздействие великих князей в данный период достигло наивысшей степени. Воспитанный в правилах подчинения старшим, Николай II в первые годы во многом старался прислушиваться к советам своих дядей, хотя далеко не всегда внутренне соглашался с навязанными ему решениями [6, с. 24].

Великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях говорит о том, что Николай II с ужасом слушал советы своих дядей, боялся оставаться наедине с ними и «глубоко вздыхал, когда во время утреннего приёма высших сановников Империи ему возвещали о приходе с докладом одного из его дядей» [2, с. 88]. Как вспоминал также современник событий А.А. Мосолов, Николай II испытывал особенную робость перед великим князем Владимиром Александровичем. Сам же великий князь, по мнению А.А. Мосолова, вероятно, заметив впечатление, производимое на императора, стал держаться в стороне от государственных вопросов [4, с. 177].

В то время и в России, и во всем остальном мире происходила профессионализация системы управления, вследствие чего в бюрократической среде, помимо дворянства, по-

---

* © Токарева Н.Д., 2021

Токарева Наталия Дмитриевна (natalia.tockareva2017@yandex.ru), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

являлось все больше представителей других сословий. Великие князья в связи с их профессиональной некомпетентностью стали оттесняться на второй план. Таким образом, политическая значимость великих князей в годы правления Николая II становилась всё меньше, вследствие чего начало изменяться и их отношение к монархии в целом [6, с. 25]. Так, великий князь Николай Николаевич в 1908 г. составил «записку» Николаю II «об «окончательном» падении престижа великих князей» по поводу речи Гучкова с обвинениями против великих князей, произнесённой в Государственной Думе [5, с. 26]. «Записка» содержала мысль о том, что «престиж великих князей подорван окончательно, и Россия к ним не может относиться с доверием» [5, с. 27].

И всё же, несмотря на существенное ослабление влияния великих князей на политику, имели место некоторые эпизоды, когда великие князья оказывали чуть ли не решающее воздействие на решения императора. В частности, в обществе в то время ходили слухи об активном влиянии великого князя Николая Николаевича на подписание императором Манифеста 17 октября 1905 г. Решение о созыве Государственной Думы открыто приписывалось великому князю вместе с графом С.Ю. Витте. И подтверждением тому якобы служило недоверие, оказываемое великому князю при Дворе [1, с. 12]. Одни обвиняли его в излишней слабости перед лицом критической ситуации, другие – в честолюбивых замыслах овладеть тронem, третьи – в склонности великого князя к «либерализму». Для нас важно только отметить сам факт присоединения великого князя Николая Николаевича к мнению графа Витте о необходимости уступок, дарования народу политических прав и сближения власти с общественными силами [1, с. 13].

Как можно констатировать, в начале правления Николая II влияние великих князей достигло своего апогея. Однако многие обстоятельства – профессионализация системы государственного управления, морганатические браки великих князей, революция 1905-1907 гг. и появление в России Государственной Думы – во многом способствовали ослаблению их политической значимости, а их влияние на политику становилось лишь эпизодическим. Отстранение представителей императорской фамилии от политической жизни страны способствовало их отстранению от императора и его семьи. Эти обстоятельства со временем также изменили отношение великих князей к самодержавию в целом – его опора превращалась в его оппозицию [6, с. 29].

Кроме вышеперечисленных внешних факторов на положение великих князей оказывали влияния и противоречия внутри императорской фамилии. Существовало четыре ветви дома Романовых – Александровичи, Константиновичи, Николаевичи, Михайловичи, и в каждой из них были оппозиционно настроенные представители [6, с. 29]. В ветви Александровичей имело место быть неприязненное отношение вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великой княгини Марии Павловны к императрице Александре Федоровне, что было использовано другими представителями дома Романовых для усиления своего влияния [6, с. 29]. Константиновичи имели либеральные взгляды, вследствие чего в принципе не допускались к политической жизни страны [6, с. 29]. Две младшие ветви императорской фамилии – Николаевичи и Михайловичи – являлись наиболее надёжной опорой самодержавия. Николай Николаевич, игравший среди Николаевичей лидирующую роль, занимал наиболее важные посты из всех великих князей, в том числе и пост Верховного главнокомандующего в начале Первой мировой войны. Лидер ветви Михайловичей, Николай Михайлович, в свою очередь, выделялся среди своих родственников наиболее развитым интеллектом и образованностью, несмотря на то что степень его влияния на Николая II была незначительна в сравнении с авторитетом великого князя Николая Николаевича [6, с. 29].

Таким образом, даже между семьёй императора Николая II и представителями императорской фамилии существовало множество противоречий, основанных на личной неприязни друг к другу. И этот личностный конфликт в конечном итоге постепенно перешёл в великокняжескую оппозицию власти императора [6, с. 29].

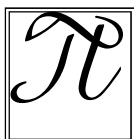
Библиографический список

1. Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж: Navarre, 1930. 370 с.
2. Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича // Николай II глазами современников. СПб.: ООО «Торгово-издательский дом "Амфора"», 2016. 271 с.
3. Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия (1797-1917). Библиографический справочник. Изд. 2-е, доп. и испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 440 с.
4. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М.: Просвещение, 2016. 304 с.
5. Николай II и великие князья (родственные письма последнему царю). Л.-М.: Государственное издательство, 1925. 156 с.
6. Петрова Е.Е., Битюков К.О. Великокняжеская оппозиция в России 1915-1917 гг. СПб.: Астерион, 2009. 340 с.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА В ОБРАЗЕ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

В статье проанализировано восприятие образа последней русской императрицы Александры Федоровны различными слоями населения Российской империи, рассмотрен один из вариантов репрезентации этого образа и влияние на его восприятие политических и культурных процессов начала XX века.

Ключевые слова: сестра милосердия, императрица, репрезентация, образ, восприятие, царская власть.

Рестиж власти во многом зависит от того, насколько успешно осуществляется ее репрезентация в обществе. На авторитет последнего российского императора значительное влияние оказывало отношение общества к императрице Александре Федоровне.

В годы Первой мировой войны для патриотической мобилизации использовался образ императрицы, связанный с благотворительной и медицинской деятельностью. Царица была инициатором, вдохновителем и покровителем многих соответствующих проектов, она иногда финансировала их из своих личных средств, а также выступала в роли организатора, покровителя, а порой и в качестве непосредственного исполнителя – шитье и вышивки ее работы продавались на благотворительных аукционах, она лично посещала бедняков и больных [1, с. 115].

Сразу же после начала Первой мировой войны императрица стала инициатором ряда новых патриотических начинаний. Так, состоящий под председательством царицы Комитет попечительства по трудовой помощи по ее инициативе открыл прием заказов на изготовление предметов снаряжения военных госпиталей и солдатского белья и одежды [2, с. 105]. К патриотической деятельности членов царской семьи по сбору денежных средств на нужды войны разными способами привлекалось внимание общества [1, с. 116]. Информация о подобной деятельности царицы и ее дочерей преследовала и пропагандистскую цель: она должна была способствовать патриотически-монархическому сплочению общества воюющей страны вокруг престола [4, с. 364].

Однако вскоре царица Александра Федоровна перестала довольствоваться ролью высочайшей благотворительницы и организатора новых медицинских учреждений. Она сама решила принять непосредственное участие в лечении больных и раненых офицеров и солдат [4, с. 365].

Белая форма с красным крестом полюбилась императрице, в этом платье она на время теряла свою исключительность, приобретала тем самым некоторую анонимность и становилась одной из многих русских женщин, облачившихся в сестринскую форму. Это, по словам близких к ней придворных, позволяло ей преодолевать ее обычную застенчивость. Однако, как мы увидим, именно эта анонимность создавала немало проблем для репрезентационной политики императрицы [5, с. 236].

Подобно царю, который во время войны желал выглядеть как «простой офицер» императорской армии, царица желала предстать перед страной как «простая сестра ми-

---

* © Романова А.С., 2021

Романова Анастасия Сергеевна (nastusharomanova1998@mail.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

лосердия». Война, требовавшая сознательной мобилизации миллионов простых людей, была воспринята царской семьей как сигнал к личному, бытовому и в то же время демонстративному, репрезентационному упрощению [5, с. 237].

Вопреки ожиданиям императрицы русское общество не всегда оценивало этот патриотический поступок по достоинству. Стремление царицы быть «одной из многих» сестер милосердия противоречило распространенным образцам восприятия членов императорской семьи. Императрица подчас была совершенно неотличима в ряду иных сестер милосердия. Эта анонимность, которую так ценила Александра Федоровна, обернулась для нее репрезентационной ошибкой [5, с. 238]. Даже в глазах убежденных монархистов царица теряла свой престиж. «Обмывая солдатам ноги», она утрачивала в глазах приверженцев монархии свою царственность, снисходила на степень простой «сестрицы», а то и вовсе госпитальной прислужницы [5, с. 239].

Следует отметить, что сам образ сестры милосердия в годы войны вызывал негативное отношение в самых широких слоях населения [3, с. 69]. Отзвуки крайне негативного отношения к сестрам милосердия можно почувствовать в докладе представителя войсковых комитетов Западного фронта на заседании Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих 29 апреля 1917 г. В числе важнейших задач, стоящих перед армиями фронта после революции, он называл «удаление сестер милосердия, так как большинство из них опорочивает армию своим поведением» [3, с. 70].

Из-за царившего в обществе негативного отношения к образу сестры милосердия императрица теряла свой авторитет. В этом контексте и до революции любая официальная информация о патриотической деятельности царицы и царевен в госпиталях могла «прочитываться» массовым сознанием как убедительное подтверждение самых фантастических слухов об их предположительном аморальном поведении. По свидетельствам современников, распространение слухов и сплетен о царице и великих княжнах, олицетворявших образ сестры милосердия, «растлеvalo» сознание широких масс столицы [5, с. 241].

Таким образом, образ сестры милосердия, который был выбран императрицей Александрой Федоровной для репрезентации царской власти в годы первой мировой войны, можно назвать неудачным. Это объясняется как специфическим отношением к сестрам милосердия в годы войны, так и тем, что в глазах общества царственная особа не должна была снисходить до простой сестры милосердия. Подобное поведение и в глазах простого народа, и среди высшего света в некоторой степени дискредитировало личность самой императрицы.

Библиографический список

1. Зимин И.В. Последняя российская императрица Александра Фёдоровна // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 112-120.
2. Колоницкий Б.И. К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и политическая порнография в годы Первой мировой войны) // Поиски исторической психологии: Сообщения и тезисы докладов международной научной конференции. Ч. 3. СПб.: Третья Россия, 1997. С. 105-108.
3. Колоницкий Б.И. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура) // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция (от новых источников к новому осмыслению) / Отв. ред. С.В. Тютюкин. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 67-81.
4. Колоницкий Б.И. Слухи об императрице Александре Фёдоровне и массовая культура (1914-1917) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М.: Собрание, 2005. С. 362-378.
5. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Санкт-Петербургский ин-т истории Российской акад. наук, Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.

М.В. РОДЗЯНКО ВО ГЛАВЕ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Статья посвящена русскому политическому деятелю, лидеру партии «Союз 17 Октября», действительному статскому советнику, гофмейстеру Высочайшего Двора, депутату и Председателю Государственной Думы Российской империи III и IV созыва Михаилу Владимировичу Родзянко. Раскрывается его деятельность во главе IV Государственной Думы в 1912-1917 гг.

Ключевые слова: М.В. Родзянко, IV Государственная Дума.

реди лидеров буржуазной оппозиции царскому правительству был человек, который, поддерживая линию Прогрессивного блока, вел в то же время и свою собственную политику. Это был председатель IV Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко. Он меньше других походил на «революционера»: высокий, толстый, с большим выпирающим вперед животом, с мощными руками, с неопрятной седой бородкой и самоуверенным взглядом. Имущественное и социальное положение председателя Думы вполне соответствовало его внешнему виду. Крупный помещик Екатеринославской губернии, владеющий 1625 десятинами земли, действительный статский советник, имевший и придворное звание камергера. С 1900 г. – председатель Екатеринославской губернской земской управы, в 1906 г. – член Государственного совета по выборам от Екатеринославского земства. В 1907 г. М.В. Родзянко впервые избирается в III Государственную Думу от своей губернии и входит во фракцию октябристов. После мартовского кризиса 1912 г., когда А.И. Гучков оставил место председателя III Думы, Родзянко избирается на этот пост. Для своего времени он получил хорошее образование и был человеком с весьма широким кругозором. Он окончил Пажеский корпус, пять лет служил корнетом в лейб-гвардии Кавалергардском полку. Здесь завязались многочисленные знакомства среди высшей знати и в придворных кругах, которые весьмагодились Родзянко на посту председателя Думы.

С 15 ноября 1912 г. он – бессменный председатель IV Государственной Думы, которая работала в период с 1912 по 1917 гг. и стала последней в истории российской монархии. К концу своей деятельности IV Государственная Дума превратилась в главный центр оппозиции царскому правительству. По своим политическим убеждениям Родзянко был правым октябристом, убежденным сторонником монархии и вполне правоверным верноподданным Николая II. В то же время своеобразное положение в государстве, которое он занимал как председатель Государственной Думы, заставляло и его принимать участие в борьбе за власть, которую буржуазия повела особенно азартно с лета 1915 г.

М.В. Родзянко считался популярной фигурой общероссийского масштаба. «Статусный» лидер, находившийся в центре внимания элиты и рядовых обывателей, он презентовал себя в качестве главного выразителя народной воли и второго человека в государ-

* © Авданов А.В., 2020

Авданов Александр Валерьевич (san8879@yandex.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

стве. Родзянко позиционировал себя сторонником конституционной монархии, считал себя рупором общественного мнения и думского большинства, всех и вся поучал. Как заметил историк и биограф Родзянко И.Л. Архипов, единственный думец, имевший право доклада государю, Михаил Владимирович искренне использовал эту возможность для «просветительского» давления на Николая, подталкивал его к сотрудничеству с обществом, к включению в правительство лиц, «пользующихся доверием страны» [1]. Как отмечал П.Н. Милюков, «председатель Думы со своей стороны не переставал докучать царю своими докладами о тяжелом положении внутри страны и на фронте. Царь его не любил; Маклаков ненавидел. Но по своему положению Родзянко выдвигался на первый план в роли рупора Думы и общественного мнения» [3]. Делая вид, что печётся о благе страны, на самом деле он часто преувеличивал, искажал информацию, предоставляемую Николаю II.

Родзянко не хотел, чтобы во время войны Дума уходила в тень, да и сам не собирался бездействовать [2, с. 9]. Когда русская армия вполне могла победить, Родзянко и такие как он распространяли в Петербурге слухи о скверном и безысходном положении армии. Для знакомства с положением дел на фронте он посещал армию, часто появлялся в Ставке, пользуясь доверительными отношениями с верховным главнокомандующим вел. кн. Николаем Николаевичем. Побывав весной 1915 г. на Галицийском фронте и столкнувшись с вопиющими примерами «бездарной» организации обороны, Родзянко одним из первых поднял «патриотическую тревогу», подхваченную затем лидерами думской оппозиции. «Измена чувствовалась во всем, – вспоминал он, – и ничем иным нельзя было объяснить невероятные события, происходившие у всех на глазах» [4, с. 123].

Стараясь остаться в глазах императора сторонником монархии и доверенным лицом для него, Родзянко с началом военных неудач включается в политический процесс изменения государственного строя. Неудачи на Восточном фронте и нарастание социального напряжения привели к новому росту оппозиционных настроений. IV Государственная Дума вступила в открытый конфликт с исполнительной властью. Дав своим манифестом излишнюю свободу либерально настроенной части общества, Николай II развязал руки думскому большинству, которое вовсе не ставило себе целью помогать ему в управлении страной, а, напротив, стремясь умалить власть императора, пеклось о сохранении и усилении своего влияния. Чувствуя и понимая это, Николай II держал в уме мысль о роспуске Думы. Поэтому убеждённый монархист Родзянко вдруг оказался в числе тех, кто своими действиями подготовил Февральскую революцию.

Основной интригой жизни Родзянко стало отречение от престола Николая II. К этому думский председатель настойчиво подталкивал императора – якобы только этот шаг сохранит страну. Но отречение устранило все препоны для революционного процесса, вновь закипавшего в стране. Когда революция началась, председатель Думы сообщал императору о положении в мятежном Петрограде, держал связь с командующими фронтами. А затем и вовсе возглавил орган, взявший на себя функции правительства – Временный комитет Государственной Думы. Председатель Думы Родзянко имел намерение сделать из Государственной Думы практический и правовой фактор, который мог бы влиять на события февральского периода революции. Но это начинание было совершенно безнадежно.

После прекращения существования монархии в России полный состав Думы ни разу не собирался, однако регулярные заседания проводил Временный комитет Государственной Думы. 6 октября по указу Временного правительства IV Государственная Дума была окончательно распущена.

Библиографический список

1. Архипов И.Л. Похороненная революцией. Феномен IV Государственной думы (1912-1917) // Звезда. 2000. № 3. С. 112-124.
2. Архипов И.Л. Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко // Отечественная история. 2006. № 3. С. 114-126.
3. Родзянко М.В. Дума против Николая II. За что нас хотели повесить. М: Алгоритм, 2017. 288 с.
4. Родзянко М.В. Крушение империи. 2-е изд. Л.: Прибой, 1929. 271 с.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ СОЦИАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

В статье анализируется процесс становления советской школы социального менеджмента в 1920-1930-е гг., рассмотрены основные положения идеи научной организации труда, выявлена взаимосвязь и преемственность отечественных и западных концепций, изучены особенности взаимодействия между главными советскими теоретиками научной организации труда и властью.

Ключевые слова: научная организация труда, Центральный институт труда, технобиосоциальная концепция, СССР.

середине 1920-х гг. промышленность почти полностью использовала капитал, унаследованный от дореволюционной эпохи. От размера накоплений зависело расширение и модернизация промышленности. Решение о переходе к НЭПу, принятое на X съезде партии в 1921 г., подчеркнуло необходимость использования иностранного капитала в целях скорейшего восстановления и реконструкции советского народного хозяйства. Индустриализация выступала как основная задача и цель всей экономической политики. Уже в период между 1922 и 1924 гг. тяжелая промышленность развивалась интенсивнее легкой [3]. Планом ГОЭЛРО было предусмотрено повысить производительность труда за счет механизации производства. Предприятия нуждались в переоборудовании и новом фабрично-заводском строительстве [10]. Рационализация труда была единственным возможным способом поднять уровень экономических показателей, поскольку в условиях сложной международной обстановки обновить имеющееся оборудование было невозможно. Перевод предприятий в годы НЭПа на хозяйственный расчет требовал внедрения новых форм труда, которые бы учитывали факторы времени и движения в процессе производства.

Построение новой рыночной экономики в России было невозможно без деятельности советских организаторов и реформаторов производства 1920-1930-х гг., которые черпали свои идеи из западных теорий [9]. При ВСНХ в 1920-1930-е гг. работал научно-технический отдел, на который было возложено всестороннее ознакомление РСФСР с европейской и американской техникой и установление контактов и обмена научными ценностями между русскими и иностранными научными и техническими учреждениями и обществами, а также издание литературы как в СССР, так и за границей, ее приобретение и распределение.

В 1920 г. был принят декрет об учреждении Центрального института труда (ЦИТ), руководителем которого был назначен А.К. Гастев. Он был автором основополагающей концепции деятельности ЦИТ, включавшей в себя разработку теории движений в производственных процессах, организации рабочего места, методики рационального произ-

---

* © Алексеенко Е.В., 2021

Алексеенко Елена Вячеславовна (elenaalekseenko163@yandex.ru), аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева; преподаватель кафедры философии и истории науки, Самарский государственный университет путей сообщения

водственного обучения и теории управленческих процессов [9]. Так называемая «техно-биосоциальная» концепция организации труда и управления производством является переработанной и адаптированной под условия новой, еще не налаженной системы производства в СССР теорией социального менеджмента Ф. Тейлора. До 1913 г. А.К. Гастев находился в эмиграции, в частности, он жил и работал во Франции, где впервые познакомился с практическим применением теоретических разработок Ф. Тейлора. Его идеи модернизации процесса производства были известны еще в дореволюционной России. Идея Тейлора заключалась в том, как научным методом можно повысить производительность труда, одновременно сократив издержки и усилия; при этом повышение заработной платы и введение премий за производительность должно было стимулировать работника предприятия на более качественный труд.

Задачей ЦИТ было решение вопросов, связанных с восстановлением и развитием народного хозяйства СССР [2]. В 1921 г. В.И. Ленин писал заместителю Наркома финансов: «Хочется мне помочь товарищу Гастеву, заведующему Институтом труда... Такое учреждение мы все-таки, и при трудном положении, поддержать должны» [7]. Структура и функции данной организации были очень разнообразны: от подготовки кадров рабочих и управленцев до технического усовершенствования новых средств производства. Вокруг А.К. Гастева сложилась особая научная школа [8]. К середине 1920-х гг. на базе ЦИТ было организовано акционерное общество «Установки», которое занималось внедрением новшеств на различных предприятиях. ЦИТ был не единственной организацией, призванной внедрять новые формы труда в различных отраслях экономики. Кроме ЦИТ в стране было открыто около пятидесяти научно-исследовательских лабораторий, исследующих проблему научной организации труда (далее НОТ). Были созданы учреждения, организации, специальные лаборатории и спецотделы при ВСНХ, занимающиеся изучением организации труда, внедрением и совершенствованием разработанных методов. Такого рода услуги оказывались предприятиям на договорной основе.

В 1923 г. все организации, деятельность которых была связана с НОТ, были объединены в Совет по научной организации труда при РКИ во главе с В.В. Куйбышевым. Теоретики НОТ объединялись не только в рамках существования ЦИТ, но и организовывали собственные лиги, ячейки, кружки в институтах, на предприятиях и в Красной Армии. Главной их задачей было популяризовать задачи научной организации труда и разработать план по их внедрению. Теоретиками и пропагандистами НОТ были А.А. Богданов, О.А. Ерманский, П.М. Керженцев. Все они активно занимались публикацией собственных изданий по тематике НОТ [1, 4, 5, 6]. Ими были созданы специализированные журналы: «Организация труда», «Время», «Вестник труда», «Вопросы организации и управления» и др. Массово переводились на русский язык труды Ф. Тейлора, А. Файоля, Г. Эмерсона и др. А библиотека Госплана СССР в Москве, в свою очередь, просила возобновить подписку на все издания экономической и финансовой секции Лиги Наций [11, оп. 31, д. 47, л. 2].

За десятилетие своей деятельности идейные просветители Совета по НОТ и ЦИТ смогли донести до рабочего самые важные свои постулаты, такие как «повышай производительность», «веди борьбу за экономию» и «береги рабочий инвентарь» [4]. Несмотря на идейную и практическую наполненность концепции научно-технической организации труда и очевидные перспективы в области их внедрения, к 1930-м гг. их стали критиковать за излишнее обезличивание и механизацию самого трудового процесса, когда по сути человек становится «винтиком огромной машины», лишая себя индивидуальной и творческой составляющей. Решением власти их деятельность была прекращена.

Библиографический список

1. Богданов А.А. Очерки всеобщей организационной науки. Самара: Государственное издательство, 1921. 297 с.
2. Бряткова Н.В. Вклад отечественных ученых в разработку методологии исследования организации труда // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2013. № 13. С. 387-390.
3. Вайнштейн А.Л. Избранные труды. Народное богатство и народный доход России и СССР. М.: Наука, 2000. Т. 2. 560 с.
4. Гастев А.К. Как надо работать: Как изобретать. М.: Центральный институт труда, 1922. 46 с.
5. Ерманский О.А. Теория и практика рационализации. Т. 1. М., Л.: Государственное издательство, 1930. 506 с.
6. Керженцев П.М. Время – НОТ – коммунизм // Время. 1923. № 1. С. 3-6.
7. Ленин В.И. Письмо А.О. Альскому // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 52. М.: Издательство политической литературы, 1980. 551 с.
8. Надехина Ю.П. А.К. Гастев: научная и литературно-публицистическая деятельность // Вестник университета. 2014. № 18. С. 99-104.
9. Научная организация труда и управления / под ред. А.Н. Щербня. М.: Экономика, 1965. 432 с.
10. Озеров Л.С. Дело трудящихся всех стран. Международная солидарность трудящихся СССР и зарубежных стран в период строительства социализма в СССР. М.: Политиздат, 1978. 214 с.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372.

ЭМАНСИПАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье представлен анализ исторической литературы по вопросам положения женщины в советском обществе, прослежены изменения статуса женщин в результате Великой российской революции.

Ключевые слова: эмансипация женщин, неравноправие женщин, роль женщины в советском обществе.

Актуальность данной темы определена положением женщины в современном обществе. Проблемы женского вопроса существуют в любой стране на разных уровнях, от различия оплаты труда в развитых странах до права водить автомобиль в арабских странах. Уровень различный, но в основе суть одна – ущемление прав женщин.

Избранная тема исследования изучалась достаточно хорошо в советской историографии. Первые публикации принадлежали самим участницам женского движения: И.Ф. Арманд [2], Н.К. Крупской [6], С.Н. Смидович [14], А.М. Коллонтай [5]. В их работах разъяснялась роль женщины в новом обществе, поднимались злободневные проблемы женщин, формировались новые представления о жизни женщины. Затем стали издаваться специализированные журналы: «Коммунистка», «Работница», «Крестьянка», «Делегатка» и др. Всего до 1930 г. существовало 18 женских журналов. Но эти публикации в основном имели агитационную направленность, мало внимания уделялось насущным, бытовым проблемам женщины, с которыми она постоянно сталкивалась в повседневной жизни.

В советский период общая направленность научных трудов по женскому вопросу фокусировалась на вовлечении женщин в общественное производство. Такая тематика получила отражение в трудах Е.Б. Груздевой, Л.Н. Кузнецовой, Г.С. Медведевой, С.В. Полеминой. Поднимались вопросы о повышении квалификации женского труда, об участии женщин в жизни трудового коллектива. Наряду с аспектом трудовых отношений и активной гражданской позиции уделялось много внимания образованию женщин, в том числе высшему образованию и научной деятельности. Но поднимались и вопросы, в частности, об устранении недостатков в выдвижении женщин на ответственные посты. Широко освещалась роль государства в помощи женщине-матери. Отдельного упоминания заслуживают работы о большой роли женщин в Великой Отечественной войне.

В целом труды, затрагивающие женские проблемы, не выходили за рамки государственной идеологии. Не упоминалась перегрузка женщины, вынужденной быть активной в трех ипостасях: работница и общественная активистка на работе, домохозяйка в быту, жена и мать в семье. Эти проблемы активно стали обсуждаться после перестройки. Проблема рождаемости озвучивается в работе Г.И. Литвиновой [7] и В.М. Переведенцева [9]. Начинают звучать критические мотивы: встает вопрос о недостаточности прав жен-

---

* © Зотова Б.Б., 2021

Зотова Элла Борисовна (bella-nosenko@mail.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

щин, о несоответствии их многочисленных обязанностей и прав [13]. Поднимается вечная проблема неравной оплаты труда [3].

После распада СССР женский вопрос освещался уже без постоянных ссылок на достижения советской власти. Одной из основоположниц исторической феминологии и гендерной истории в советской и российской науке стала Н.Л. Пушкарёва. В ее трудах освещались самые разные аспекты женского вопроса: переосмысление роли женщины в обществе [10], гендерное неравенство [11] и семейные отношения [12].

В трудах современных историков проблемы женщин в разные исторические периоды освещаются широко, исследуются самые различные области. Эскурсы в историю первых лет советской власти предпринимаются уже с других позиций, в частности, в работах И.В. Алферовой, З.М. Кобозевой, О.М. Морозовой, У.Ю. Скачковой, Т.И. Трошиной, Е.А. Ялзиной. Без давления идеологических установок осознание положения женщины окрашивается в другие тона [4], переосмысливается связка «женщина – труд» [8], анализируются истоки возникновения феномена женщин – руководящих работников [1], переоцениваются достижения женщин в экономике [15].

Проанализировав источники, мы убеждаемся, что положение советской женщины изучено достаточно полно. В исторической литературе освещается широкий круг проблем женщины: избирательное право, вклад женщины в экономику как работницы, значимость женщины в общественной жизни, защита здоровья женщины, повышение ее культурного уровня, роль женщины в науке. Много внимания в литературе уделяется неравенству женщин, в частности, в области оплаты труда, в доле женщин на руководящих постах, в несоответствии суммарной нагрузки женщин относительно мужчин (работают столько же, но, кроме того, ведут домашнее хозяйство).

Однако недостаточно изучена проблема советской женщины с точки зрения ее личного статуса. В советский период «правильная» женщина позиционировалась только как работница-жена-мать. Большая проблема существовала в жизни женщины, если она не отвечала этим канонам. Быть незамужней было неприлично, такая женщина воспринималась в обществе как неудачница. Женщина часто вступала в брак, лишь бы иметь статус замужней, терпела мужа-алкоголика или тирана, чтобы только не быть одинокой во мнении общества. На бездетную женщину вообще смотрели как на ненужного члена общества, не выполнившего свой биологический долг. Вот эта проблема женщины, не имеющей семьи, недостаточно хорошо изучена в исторической литературе и является перспективной темой, т.к. переоценка женщины не только как продолжательницы рода и экономической единицы, но и как отдельной самодостаточной личности важна и в современном общественном сознании.

Библиографический список

1. Алферова И.В. Делегатские собрания 1920-х годов как проект подготовки советских женщин к управленческой деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1: История. Научный журнал. 2011. Вып. 43. № 1 (216). С. 46-54.
2. Арманд И.Ф. Работницы в Интернационале. М.: Гос. изд-во, 1920. 46 с.
3. Груздева Е. Б., Чертихина Э. С. Оплата труда и семейные доходы работающих женщин: проблемы и перспективы // Женщины в современном мире. М.: Наука, 1989. С. 93-104.
4. Кобозева З.М., Скачкова У.Ю. Женщина социальная и женщина биологическая в тисках ранней советской эпохи 1920-х гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. Т. 22. № 4. С. 28-33.
5. Коллонтай А.М. Положение женщины в эволюции хозяйства. М.: Гос. изд-во, 1923. 208 с.

-
6. Крупская Н.К. О работе среди женщин: Сборник статей с краткой биографией. 2-е изд., доп. и испр. М.; Л.: Госиздат, 1926. 156 с.
  7. Литвинова Г.И. Надо ли повышать рождаемость? // Свет и тени прогресса (социально-демографические проблемы СССР). М.: Советская Россия, 1989. С. 63-142.
  8. Морозова О.М., Трошина Т.И., Ялозина Е.А. Труд как свобода, труд как бремя: о ранних страницах женской занятости в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 374-411.
  9. Переведенцев В. М. Эмансипация и воспроизводство населения // Женщины в современном мире. М.: Наука, 1989. С. 74-81.
  10. Пушкарёва Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800-2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 522 с.
  11. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.
  12. Пушкарёва Н.Л. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы. Модели для сборки: сборник статей. Кн. 1 / Сост. и ред. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 185-219.
  13. Римашевская Н.М. О некоторых проблемах положения женщины (по материалам экономико-социологического исследования) // Женский вопрос: точки зрения и подходы к новому осмыслению / Академия общественных наук при ЦК КПСС. М.: АОН, 1991. С. 28-41.
  14. Смидович С.Н. Работница и крестьянка в Октябрьской революции. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 148 с.
  15. Шарова Т.П. Вовлечение женщин в восстановление промышленности (1921-1925): опыт Компартии Украины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1990. 19 с.

СОВЕТСКОЕ ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО 1920-1940-Х ГГ.

В статье приведён анализ изменений, произошедших в ювелирном искусстве в 1920-1940-е гг. Эти изменения в итоге сформировали новый советский стиль в ювелирном деле, который рассмотрен и охарактеризован в статье.

Ключевые слова: ювелирное искусство, ювелирное дело, история моды.

Известно, что советской идеологии претила роскошь и мода в любых её проявлениях, однако ювелирное искусство в советский период не только не исчезло, но и переросло в нечто особенное. Поэтому советские ювелирные изделия являются актуальной темой для исследования в настоящее время.

С приходом новой власти изменилась повседневная жизнь граждан, изменилась мода и отношение к ней, это не могло не коснуться и ювелирного дела. К началу 1920-х годов были закрыты практически все знаменитые ювелирные фирмы России. В экономически тяжелое время 1920-х гг. с целью борьбы со спекуляцией и контрабандой драгоценных камней, металлов и изделий из них был издан ряд специальных постановлений, запрещающих частным лицам, а также предприятиям добычу и торговлю золотом и драгоценными камнями и объявляющих это монополией государства [1, с. 167].

Единственными разрешенными видами предпринимательства, вплоть до провозглашения в 1921 г. политики нэпа, были кустарные промыслы и народные ремесла. Оставшиеся мастера-одиночки обращают своё внимание на народные темы: древнерусскую скань и калачи [2, с. 105].

В 1923 г. в результате обследования деятельности Петергофской гранильной фабрики было признано, что в дальнейшем необходимо сосредоточить усилия ее коллектива на выпуске художественных изделий «оригинальных русских форм, преломленных в цветном камне». Также в это время были созданы эскизы каменных ювелирных изделий от именитых авангардистов, например, В. Мухиной. Однако были ли воплощены эти проекты – неизвестно [3, с. 148].

Во время Великой Отечественной войны ювелиры вновь обратились к народной теме и создали образцы новых медалей с изображением таких исторических персонажей, как Александр Невский и Александр Суворов. Из материалов в основном использовались неблагородные металлы, например, медь.

Именно из-за экспериментов с различными металлами и удешевлением производства в СССР появится знаменитая 585 проба [4].

Однако, хотя пропаганда и утверждала, что роскошные вещи претят советской идеологии, можно выделить совершенно противоположные примеры. Так, нельзя не сказать про первый вариант звёзд для башен Кремля, которые были выполнены из ажурной

---

* © Панова А.Р., 2021

Панова Алёна Романовна (alenasf98@mail.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

меди с позолотой и вставками из уральских самоцветов. Другим государственным заказом для ювелиров был проект карты из драгоценных и поделочных камней «Индустрия социализма». На ней с помощью самоцветов была воссоздана схема административного деления СССР с сохранением рельефа местности [3, с. 156].

Таким образом, в развитии советского ювелирного искусства 1920-1940-х гг. можно выделить такие тенденции, как преобладание народных мотивов, переход ювелиров в смежные области, экономию на материалах. Но в то же время для государства были выполнены роскошные заказы, что свидетельствует об определенной двойственности и противоречивости данного периода.

Библиографический список

1. Габриэль Г.Н. Формирование нового художественного языка в ювелирном искусстве Санкт-Петербурга 1920–1990-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (25). С. 167-171.

2. Перфильева И.Ю. Мода и стиль в советских ювелирных украшениях 1920-1930-х годов // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. СПб., 2008. Т. 177: Мода в контексте культуры. Вып. 3. С. 104-109.

3. Перфильева И.Ю. Русское ювелирное искусство второй половины XX в.: Основные художественные тенденции и направления: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2000. 252 с.

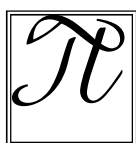
4. Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV-XX вв.: (Территория СССР). М.: Наука, 1995. 374 с.

**ЖЕНСКАЯ ФРОНТОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОЛЛЕКЦИЙ
САМАРСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ИМ. П. В. АЛАБИНА**

Через судьбу четырех девушек, оставивших след в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П. В. Алабина, автор рассматривает проблему повседневности женщин-фронтовиков, имевших самые распространенные воинские специальности в годы войны. Их желанию помочь родине в ее тяжелую пору не помешали ни опасность смерти, ни тяжелые физические и психологические нагрузки.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, советские женщины, фронтовая повседневность.

Повседневность женщин-военнослужащих в годы Великой Отечественной войны редко становилась предметом специальных исследований историков. Недостаточное освещение данной проблемы в исторической науке делает тему нашей работы актуальной. Ее цель – выявить типичные черты фронтовой повседневности женщин-военнослужащих, имевших в годы войны самые распространенные воинские специальности.

Героинями статьи стали четыре девушки, предметы которых пополнили фонды фотодокументов [3, 4], документов [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12] и истории быта, в частности, коллекцию военного обмундирования [13] Самарского историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Проанализировав музейные предметы, мы пришли к следующим выводам.

Из четырех женщин-фронтовиков три родились в сельской местности, одна – в городе. Три из них родились и выросли в Куйбышевской области, а одна женщина-фронтовик переехала в Куйбышев до войны. До войны одна из них успела стать учительницей, другая – фельдшером-акушером, а третья – телеграфисткой. Две девушки пошли на фронт добровольцами, две другие откликнулись на комсомольский призыв ВЛКСМ. Самой младшей из них было 17 лет, а самой старшей – 22 года. Все они во время войны стали членами ВКП(б), а одна из них участвовала не только в Великой Отечественной войне, но и в войне против Японии.

Зинаида Уварова, имея профессию телеграфистки, добровольно ушла на фронт в июле 1941 г. Зинаиду направили в Отдельную кабельно-шестовую роту, в которой она прослужила до 1942 г. солдатом-связистом. Она ставила шесты и наводила кабель для связи с командованием в тяжелых условиях отхода советских войск, работала на «морзянке» и полевом коммутаторе, передавая шифровки своего и главного командования. Зинаида боялась, что ее ранят в руку, лишив возможности передавать и принимать шифровки, поэтому все свободное время в блиндаже тренировала свою ногу на ключе. С 1942

---

* © Янцен И.Д., 2020.

Янцен Ирина Дмитриевна (irina_yancen@mail.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

по 1944 г. Зинаида служила в 15-й стрелковой дивизии, ставшей впоследствии гвардейской, где она получила звание гвардии сержанта. Вместе с дивизией Зинаида освобождала Харьков и Кривой Рог, проявляя, согласно ее служебно-боевой характеристике, мужество и отвагу при обеспечении бесперебойной связи с частями. Как связист Зинаида участвовала в крупнейших сражениях войны – Сталинградской битве и битве на Курской дуге, освобождала Белград, Тирасполь и Бендеры [1]. Имеет орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги» [1].

Надежда Шадрина по комсомольскому призыву попала на фронт в мае 1942 г., где она служила сначала аэростатчицей, охраняя объекты оборонного значения, а затем прибористом в зенитной артиллерии, с которой прошла Белоруссию и Латвию. Надежда дослужилась до звания младшего сержанта, была комсоргом в своей батарее, стала членом партии с 1945 г. В фондах музея им. П.В. Алабина сохранилось фронтовое письмо, отправленное ко дню 8 марта, от командира и бойцов приборного отделения с благодарностью маме Надежды за то, что «прислали настоящую дочь, от которой веет духом патриотизма» [14].

Санструктор Зинаида Смирнова ушла на фронт, когда ей еще не исполнилось и 18 лет. В сохранившейся характеристике, которую ей дал председатель Куйбышевского райкома Российского общества красного креста (РОКК), говорится, что в санитарной дружине, организованной при трикотажном комбинате, Зина была «самая бойкая и активная», «толковая и понятливая» [15]. Зину не пустили на фронт из-за несовершеннолетнего возраста. Получив согласие матери Зины, ее со вторым набором отпускают в августе 1941 г. на фронт. Зина дослужилась до гвардии старшины медицинской службы, вынесла на себе с поля боя более 600 бойцов и командиров с их личным оружием, выходила из окружения и восстанавливала связь со своим батальоном, ходила в разведку [16]. За время службы Зина получила пять ранений, в том числе два тяжелых и две контузии. О последнем ранении говорится в сохранившемся в музее письме, посланном матери Зины ее боевым товарищем, где он сообщает о том, что она ранена осколком в глаз. Это ранение сделало Зину инвалидом: она была комиссована и отправлена в Куйбышев. Награждена орденом Красного Знамени, была представлена к званию Героя Советского Союза, но его она так и не получила [16]. Вместо этого Зина была награждена высшей государственной наградой – орденом Ленина [16].

Начальник базы службы крови, лейтенант медицинской службы Наталья Карабашина, как и Зинаида Смирнова, на фронт попала не сразу. Ее заявление в военкомате не приняли, и на фронт Наталья попала только в марте 1942 г. в составе Санитарного отдела 53-й Действующей армии, с которой она дошла до Праги и повернула на Забайкальский фронт на войну с Японией [1]. До войны она окончила Куйбышевскую фельдшерско-акушерскую школу. Дело у нее на войне было очень серьезное: она занималась консервированием человеческой крови, которую сдавали доноры (в их числе была и сама Наталья), организовывала хранение, перевозку; обеспечивала системами для переливания крови и кровезамещающих жидкостей, сывороткой, определяющей группу крови раненых. Благодаря тому, что она вовремя доставляла кровь раненым на передовые этапы и в госпитали, она спасла сотням тяжелораненых жизнь. Имеет награды – медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», орден Красной Звезды [2], а также благодарности от командования.

Постоянная опасность смерти и получения увечий, тяжелые физические нагрузки и психологическое напряжение стали определяющими чертами женской фронтовой повседневности. Они все могли остаться в тылу, но предпочли отправиться на фронт. Зачем им это было нужно? Одна из причин, она же главная – желание помочь своей родине в тяжелую пору, ведь они были детьми того поколения, которое воспитывалось в постоянном ожидании войны и готовности отдать жизнь за социалистическое отечество.

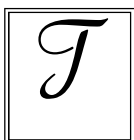
Библиографический список

1. Память народа [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru>
2. Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.ru>
3. Самарский областной историко-краеведческий музей (СОИКМ) им. П.В. Алабина. КП-19213/5, 19248/3, 14202/1, 17792/4.
4. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-19213/4, 19232/5.
5. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-19214/1, 14202/3.
6. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-19248/11, 19248/7, 19248/6, 19248/8, 19248/12, 19248/10.
7. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-19214/3.
8. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-19248/5.
9. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-19248/14.
10. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-19248/13.
11. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-19213/2, 14202/2.
12. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-19248/15.
13. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-19249/1, 19248/2.
14. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-19213/2.
15. СОИКМ им. П.В. Алабина. КП-14202/3.
16. Фронтной инстаграм: как санинструктор из Куйбышева отбила из пулемета атаку немцев // 63.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://63.ru/text/gorod/2020/04/27/69068287/>

«КОНТРАКТ» РАБОТАЮЩЕЙ МАТЕРИ В 1965-1985 ГГ.

Исследование вопросов гендерного равенства привлекает значительное внимание историков и правоведов. Однако историко-правовые аспекты развития положений о равноправии мужчин и женщин остаются недостаточно изученными. В статье предпринята попытка проанализировать особенности «контракта» работающей матери в период, когда были заложены серьезные изменения в его регулировании, действующие и в настоящее время.

Ключевые слова: контракт, советский период, труд, работающие женщины.

Гендерная политика советского времени заключалась в устранении неравенства мужчин и женщин в политической, экономической сфере и в семейных отношениях. Однако эту политику отличала противоречивость: с одной стороны, у женщин появилось право на труд и дополнительный заработок, возможность повышения образовательного уровня, с другой – пропаганда равенства мужчин и женщин в тот период была условной, так как обязанности по дому и воспитанию детей оставались закреплены за женщинами, а первоочередная цель государственной гендерной политики заключалась в использовании столь значимого трудового ресурса.

В советский период полностью исчезло представление о том, что женщина может не привлекаться к общественному труду. Ученые, занимающиеся изучением исторических особенностей данного периода, разработали такое понятие, как «контракт» работающей матери – совокупность правил и образцов поведения, в соответствии с которыми женщина должна была сочетать профессиональные и материнские роли. Это создавало для нее три рода обязанностей: осуществлять трудовую деятельность с целью заработка, воспитывать детей и обеспечивать быт [8, с. 4]. По нашему мнению, объяснить появление данного явления можно тем, что в данный период нельзя было утратить столь значимый трудовой ресурс и одновременно – невозможно лишить женщин их естественных прав быть матерью. Логичным выводом стало предъявление женщинам требований о совмещении трудовой занятости и материнства.

Особенностью периода 1965-1985 гг. являлось то, что относительная стабильность в социальной и материальной сфере, довольно приличный уровень жизни населения способствовали серьезным изменениям в общественных отношениях, что повлекло наступление нового этапа в регулировании гендерных отношений, в частности, некоторой либерализации «контракта» работающей матери.

В 1970-е гг. активно растет общая численность работающих и служащих женщин. Так, до конца 1980-х гг. их процентная доля в общей численности трудящегося населения составляла более половины, а именно 51 %. Весь период так называемого «застоя»

---

* © Лебедева М.А., 2021

Лебедева Мария Андреевна (marija.lebe2011@yandex.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

около 92 % трудоспособных женщин были вовлечены в трудовую и образовательную сферы [7, с. 186-188]. Можно сделать вывод, что женщины в большинстве случаев играли огромную, если не решающую, роль в экономике в качестве главной рабочей силы.

Важным этапом в регулировании «контракта» работающей матери является принятие в 1968 г. «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» [6]. Данный документ носил достаточно общий характер, однако включал важные положения о правах женщин и о поощрении материнства. Например, было закреплено равноправие женщин и мужчин в сфере семейных отношений, в личных и имущественных правах. Государственная поддержка семьи в основном заключалась именно в помощи женщине-матери. Дальнейшее развитие положения вышеуказанного документа получили в Кодексе о браке и семье РСФСР [5]. Его положения были направлены на регулирование прав и обязанностей супругов, а также отношений родителей и детей.

В 1971 г. принимается Кодекс законов о труде РСФСР, где было продолжено регулирование правового положения работающих матерей [4]. Он содержал отдельную главу, посвященную особенностям труда женщин. Так, Кодексом определялся, например, запрет на ночную и сверхурочную работу для беременных и кормящих женщин, гарантировался отпуск по беременности и родам с выплатой государственного пособия. Кроме этого, работающей матери предоставлялась возможность получения дополнительного отпуска с сохранением места работы. Кодексом закреплялся и ряд гарантий для данной категории работников.

Завершающим этапом законодательного регулирования положения работающих матерей стало принятие Конституции СССР 1977 г. [3] и Конституции РСФСР 1978 г. [2]. Конституционные нормы закрепляли фактическое равенство перед законом независимо от пола; предоставление равных возможностей женщинам и мужчинам в получении образования, в трудовой сфере, вознаграждении за труд. Конституции СССР и РСФСР определяли принятие специальных мер по охране труда и здоровья женщин; создание условий, позволяющих сочетать трудовую деятельность и материнство; правовую защиту, материальную и моральную поддержку материнства и детства, включающую предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям.

В период 1965-1985 гг. складывается совершенно новое представление о женщине, совмещающей трудовую деятельность с рождением и воспитанием детей, поддержанием домашнего порядка, семейных отношений. Государственная помощь выражалась в издании законодательных актов, ориентированных на расширение льгот работающим матерям, выдачу пособий, строительство детских учреждений, предоставление бесплатных медицинских услуг. Всё это составляло важную часть «контракта» работающей матери [1, с. 241-242]. Однако существовала и обратная сторона. Предоставляемые государством социальные услуги не могли компенсировать тройную нагрузку женщин. «Контракт» работающей матери начинает менять основы патриархальной семейной власти, так как уменьшается степень экономической зависимости жены от мужа [7, с. 180].

Таким образом, государственная политика в отношении работающей матери зарождалась и развивалась под влиянием исторических событий советского государства. Данный «контракт» был направлен на обеспечение всесторонней государственной поддержки женщин, совмещающих трудовую деятельность, семейные обязанности, рождение и воспитание детей. Он обеспечивал баланс нагрузки в бытовых и трудовых отношениях с целью стимулирования присутствия женщин на рынке труда с одновременным сохранением их позиций в семье. Всестороннее правовое регулирование прав женщин было закреплено в конце 1970-х гг. с принятием Конституций СССР и РСФСР.

Библиографический список

1. Гендерные отношения в современном российском обществе. Материалы III межвузовской конференции молодых исследователей. СПб.: Алетейя, 2004. 316 с.
2. Конституция РСФСР от 12.04.1978 // Ведомости Верховного Совета РСФСР (далее – Ведомости ВС РСФСР). 1978. № 15. Ст. 407.
3. Конституция СССР от 07.10.1977 // Ведомости Верховного Совета СССР (далее – Ведомости ВС СССР). 1977. № 41. Ст. 617.
4. Об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР: Закон РСФСР от 09.12.1971 // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.
5. Об утверждении кодекса о браке и семье: Закон РСФСР от 30.07.1969 // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.
6. Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье: Закон СССР от 27.06.1968 // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241.
7. Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800-2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с.
8. Темкина А.А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4-15.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ САМАРЫ В 1990-Е ГГ.

В статье рассматриваются наиболее яркие события, произошедшие в жизни студентов высших учебных заведений Куйбышева / Самары в 1990-е годы. Наибольшее внимание уделяется завершающему этапу в истории строительных отрядов, митингам против реформы образования, международному сотрудничеству, всероссийским творческим фестивалям, появлению доступа к Интернету.

Ключевые слова: студенты, повседневность, 1990-е годы, общественно-политическая жизнь, строительные отряды, митинги.

Актуальность работы состоит в том, что 1990-е гг. – особенное десятилетие в новейшей истории России. С одной стороны, завершился распад советской системы, а с другой – активно начинался процесс строительства «новой» России, сопровождавшийся экономическими и политическими реформами, а также социальной неустойчивостью.

Историография проблемы невелика. При изучении нашей темы наибольший интерес представляет монография В.Н. Кирилленко «Летопись движения студенческих отрядов Куйбышевской области 1956-1991 гг.» [3]. В качестве источников привлекались статьи, опубликованные на страницах периодической печати, и материалы устной истории.

В 1990 г. резко обострились кризисные явления в движении строительных отрядов. Осенью 1989 г. стали создаваться молодежные центры (далее – МЦ), коммерческие организации при вузах. Они фактически взяли на себя функцию трудоустройства студенческой молодежи. Часть студенческих отрядов стала устанавливать отношения с МЦ, выйдя из-под эгиды областного штаба [3, с. 421]. Отряды, находившиеся в ведении МЦ, имели в первую очередь коммерческую направленность [3, с. 422].

В 1991 г., в период нараставшего в стране политического и экономического хаоса, комсомол вместе с движением строительных отрядов подвергся новым испытаниям. В газетах Самарской области перестали освещаться события, связанные с движением стройотрядов [3, с. 427].

В то же время предпринимались попытки реанимировать движение стройотрядов на уровне ЦК ВЛКСМ. Вместо Штаба студенческих отрядов была сформирована Всесоюзная служба добровольного труда молодежи, а также ОПСО «Жигули», преобразованный в областной штаб трудовых объединений молодежи. Но эти попытки не дали конкретных результатов. Отряды, перешедшие в 1990 г. под покровительство МЦ, в 1991 г. вернулись вновь в подчинение Областного штаба. Это было вызвано тем, что студенты, находясь в структуре молодежных центров, вынуждены были платить обязательные налоги [3, с. 428].

---

* © Кузнецова А.А., 2021

Кузнецова Алина Александровна (alinaaleksandrovna792@gmail.com), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

В сентябре 1991 г. XXII чрезвычайный съезд ВЛКСМ объявил о самоликвидации комсомола. Было решено, что политическая роль комсомола как федерации коммунистических союзов молодежи себя исчерпала. Уход комсомола с политической арены способствовал ликвидации студстроевского движения. Оно завершило свою историю. В связи с этим была прекращена деятельность Центрального штаба СО и структурно связанных с ним региональных штабов [3, с. 429]. В Самаре правопреемником обкома ВЛКСМ стал Самарский союз молодежи [7, с. 2].

Проблемы, связанные с недостатком финансирования высшего образования, непосредственно повлияли как на преподавателей, так и на студентов. Финансовая нестабильность привела к тому, что студенты были вынуждены сочетать учебу с работой [6, с. 2]. 4 октября 1996 г. у здания СГАУ по инициативе профсоюзных комитетов сотрудников и студентов состоялся митинг, на котором был заявлен протест против действий правительства в отношении бюджетных отраслей [12, с. 1]. В конце апреля 1998 г. активность студентов стала нарастать. Студенты и преподаватели семи вузов области вышли на улицу. Их недовольство было вызвано решением российского правительства объединить самарские вузы с целью оздоровления финансового состояния страны [8, с. 5].

Прошедшая в конце осени 1998 г. межвузовская научно-практическая конференция «Студенчество: реалии и перспективы» превратилась в выражение социального протеста. Делегаты самарских вузов собрались для обсуждения актуальных проблем. Среди наиболее острых отмечались задержка выплаты стипендии, рост задолженностей вузов за коммунальные услуги, рост расценок в студенческих общежитиях, столовых и поликлиниках. Обсуждались и проблемы в трудоустройстве студентов, поскольку зачастую работодатели отдавали предпочтение при приеме на работу специалистам с опытом работы [9, с. 2].

В 1990-е гг. популярность набирали мероприятия, способствовавшие консолидации российского студенчества. Так, в мае 1993 г. в Самаре состоялся первый фестиваль Российской студенческой весны. Три майских дня 260 участников из 16 российских городов покоряли сцену областной столицы [10, с. 4]. К числу популярных студенческих мероприятий можно отнести Международный день студентов, который возник в Европе в годы Второй мировой войны как одна из форм участия молодежи в движении Сопротивления. В 1994 г. этот праздник второй раз прошел в Самаре [4, с. 7].

В 1990 г., после снятия ограничений по выезду российских специалистов за рубеж и приему иностранных граждан, стартовала международная деятельность вузов [5, с. 324]. Была заложена практическая основа международного сотрудничества между Самарским государственным аэрокосмическим университетом и университетом Брэдли (США). В 1994 г. насчитывалась уже вторая группа студентов из американского университета и третья группа самарских студентов, отправившихся в США [11, с. 2]. Кафедра российской истории Самарского государственного университета в 1997 г. направила на стажировку в университет штата Мэриленд (США) молодых преподавателей О.Б. Леонтьеву и З.М. Кобозеву [2].

Новшеством для самарских студентов стало получение доступа к всемирной сети. В 1997 г. в Самарском государственном университете состоялось открытие центра «Интернет» в рамках программы Фонда Сороса «Университетские Центры Интернет» [1, с. 2].

Таким образом, студенческая повседневность 1990-х годов трансформировалась в соответствии с новыми реалиями. Канул в Лету комсомол, а вместе с ним патриотическое движение стройотрядов. Рассматриваемый этап характеризуется разрушением традиционной замкнутости, освоением студентами новых социальных практик и форм коммуникаций.

Библиографический список

1. Аксенов Д. Теперь любой из нас может попасть в сеть // Самарская газета. 1997. 22 июля. С. 2.
2. Интервью с доктором исторических наук, профессором Леонтьевой Ольгой Борисовной от 30.03.2021.
3. Кириленко В.Н. Летопись движения студенческих отрядов Куйбышевской области 1956-1991 гг. Самара: [б.и.], 2015. 532 с.
4. Красавина Н. «Будем веселы, друзья!» // Вольнодумец. 1994. 26 ноября. С. 7.
5. КуАИ-СГАУ 1942-2002. Самара: СГАУ, 2002. 354 с.
6. Мы уже за пределами терпения // Советская Россия. 1994. 17 мая. С. 2.
7. Николаева Л. «Дайте молодежи сети...» // Волжский комсомолец сегодня. 1996. 12 октября. С. 2.
8. Сафонова С. Правительство нашло способ подключить студенчество к политической борьбе // Известия. 1998. 15 мая. С. 5.
9. Студенты недовольны // Волжская заря. 1998. 1 декабря. С. 2.
10. Тихомирова О. Мы молоды, счастливы, талантливы! // Волжская коммуна. 1994. 24 мая. С. 4.
11. Уваров В.В. Студенты – авиаторы запросто летают за океан // Самарская газета. 1994. 27 октября. С. 2.
12. Ульянова Н. Митингует СГАУ // Волжский комсомолец сегодня. 1996. 5 октября. С. 1.

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ИСТОРИИ САМАРСКОГО КРАЯ

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1: Среднее Поволжье в XVI – первой половине XIX вв.: монография / [ред. кол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.; науч. ред. Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов]. – 2-е изд., испр. и доп. – Самара: ООО «Слово», 2020. – 480 с.: ил. ISBN 978-5-6045183-7-3

Т. 2: Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века / [науч. ред. П.С. Кабытов, О.Б. Леонтьева]. – 480 с.: ил. ISBN 978-5-6045183-9-7

В 2020 году при финансовой поддержке Администрации Самарской области вышел в свет двухтомник «История Самарского Поволжья». Эта публикация представляет собой новое, исправленное и дополненное издание четвертого и пятого томов многотомного коллективного исследования «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», опубликованного в 2000 г. в центральном издательстве «Наука» по инициативе кафедры Российской истории Самарского государственного университета и Института истории и археологии Поволжья

Потребность в обновленном переиздании двух томов коллективной монографии, посвященных истории изучаемого региона в XVI – начале XX в., обусловлена существенным шагом вперед в развитии самарской региональной исторической школы. За прошедшие два десятилетия самарскими историками были выявлены новые комплексы источников и материалов, предпринято их аналитическое изучение, сформулированы новые концептуальные положения о своеобразии заселения, хозяйственного освоения, формирования экономического потенциала и социокультурного ландшафта южных территорий Среднего Поволжья и Заволжья. Опыт работы в рамках крупных исследовательских проектов «Обретение родины» и «История Самары (1586-1917)» позволил коллективу историков во главе с профессором П.С. Кабытовым подготовить настоящее издание, значительно расширяющее современное исследовательское пространство.

Авторский коллектив рассматривает свою работу как продолжение традиции изучения истории Самарского края, заложенной еще в XVIII-XIX вв. П.И. Рычковым, А.Ф. Леопольдовым, городским Головой Самары П.В. Алабиным. Опираясь на теорию «фронтيرا» – пограничной земли, «буферной зоны», – разработанную американским ученым Ф. Тернером, и на подход к истории России как «страны, которая колонизируется», предложенный в XIX в. ведущими российскими историками С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским, самарские ученые выдвинули оригинальную концепцию, согласно которой основным вектором истории Среднего Поволжья было постепенное превращение фронта в «внутреннюю окраину» Российской империи, распространение на эту территорию управленческих структур и социальных отношений, типичных для имперского «ядра». Освоение и обустройство огромных территорий Средневожья предстает в этой работе как сложный многофакторный процесс, в результате которого малонаселенная прежде, «ничейная» земля смогла стать общей Родиной для различных социальных и этноконфессиональных категорий населения.

В первом томе коллективной монографии предпринято комплексное рассмотрение исторического развития одного из значимых российских регионов – Самарского края со времени его вхождения в состав Московского государства и вплоть до складывания в середине XIX в. новой заволжской губернии. Его авторы реконструируют широкую панораму событий пограничного края, которая дается на общероссийском фоне. Во «Введении» представлена историография дореволюционной истории Самарского региона. Разделы первого тома подготовлены Э.Л. Дубманом (XVI-XVIII вв.), Л.М. Артамоновой (XVIII – первая половина XIX в.), Ю.Н. Смирновым (XVI – первая половина XIX в.).

Второй том коллективной монографии посвящен истории Самарского Поволжья с 1850 г., когда была учреждена Самарская губерния, до революции 1917 г. По сравнению с первым изданием «Истории Самарского Поволжья с древнейших времен», вышедшим в свет в 2000 г., здесь существенно расширены разделы, посвященные реформаторским процессам, социальному облику населения Самарской губернии, экономическому развитию и общественно-политической жизни губернии. Специально для данного издания подготовлены новые разделы, посвященные первому десятилетию существования Самарской губернии, культурной среде региона.

Расширен и авторский коллектив, работавший над вторым томом настоящего издания. В его состав вошли преподаватели Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева – П.С. Кабытов, Е.П. Барина, Н.Н. Кабытова, З.М. Кобозева, М.И. Леонов, М.М. Леонов, О.Б. Леонтьева, М.Н. Матвеев, Ю.Н. Смирнов, В.А. Тюрин, Самарского государственного института культуры – Л.М. Артамонова, Самарского государственного экономического университета – Н.Ф. Тагирова, Самарского государственного технического университета – О.В. Турганова. Разделы второго тома подготовили также сотрудники Самарской областной универсальной научной библиотеки А.Н. Завальный и А.И. Елисеев, историк П.И. Савельев, краевед В.Н. Казарин.

Публикация второго издания «Истории Самарского Поволжья» показывает, что потенциал изучения региональной истории Самарского Поволжья далеко не исчерпан: развитие науки открывает перед учеными новые горизонты и дает возможность более глубоко осмыслить историю края в контексте истории страны, а богатый опыт коллективных исследований наглядно свидетельствует об умении самарских историков объединять силы для решения сложных научных задач.

«В этой книге на живых примерах показано, как любовь к родной земле, помноженная на смелость мысли и действий, рачительность и деловую хватку, присущие жителям Самарской губернии, позволила стать ей одним из лидеров регионального развития России в исторически очень сжатые сроки. Именно к этому мы стремимся и сегодня. И пример наших предков должен вдохновлять нас, их наследников», - обращается со своим «Словом к читателю» на первых страницах издания губернатор Самарской области Д.И. Азаров.

Издание предназначено для историков, краеведов, студентов и школьников, для всех, кто интересуется историей родного края.

Самара: отныне и навсегда: документы и материалы / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов. – Самара: ООО «Слово», 2021. – 192 с. ISBN 978-5-6045322-9-4

В январе 1935 года волевым решением властей город Самара утратил свое историческое название и получил взамен фамилию партийного деятеля В.В. Куйбышева. Но многие жители города продолжали считать себя самарцами. В 1987 году, на волне подъема социальной активности в годы перестройки, по инициативе писателя А.Е. Павлова, библиографа А.Н. Завального и историка П.С. Кабытова был создан общественный комитет «Самара», который повел борьбу за возвращение городу исторического имени. В состав комитета вошли деятели науки и культуры, рабочие и служащие, врачи, инженеры, писатели, журналисты, священнослужители; его деятельность поддерживали учащиеся школ, студенты вузов, сотрудники библиотек, архивов и музеев. Под «Обращением» комитета в Верховный Совет РСФСР было собрано 80 000 подписей жителей города. Комитет «Самара» получил поддержку со стороны председателя Советского фонда культуры академика Д.С. Лихачева, кинорежиссера Н.С. Михалкова и других общественных деятелей. Деятельность комитета увенчалась успехом: в начале 1991 г. Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин подписал указ о возвращении городу Куйбышеву имени Самара.

В 1992 году в областном книжном издательстве по инициативе П.С. Кабытова и А.Е. Павлова был издан сборник «Возвращение Самары», включавший документы, статьи из периодической печати. Эта книга с тех пор стала библиографической редкостью, а потому А.Н. Завальный и П.С. Кабытов решили подготовить новое издание, включив в него наиболее значимые публикации из предыдущего и дополнив новыми материалами. Сборник был издан при финансовой поддержке Самарского университета.

На страницах сборника опубликованы публицистические статьи А. Завального, П. Кабытова, Л. Храмкова, В. Князева, В. Владимирова, В. Кривошеева, Б. Соколова, С. Игошкиной, А. Павлова, А. Петрова, напечатанные в региональной прессе в 1987-1991 гг., в дни бурных дебатов об имени нашего города. Показательны сами их названия: «Отчий дом», «Помни имя свое», «Самара или Куйбышев?», «Самара: устарела ли старина?», «Как нас теперь называть?», «Имя твое? Самара!», «Мы вернулись к тебе, Самара!», «Самара – во веки веков!». Здесь же читатели сборника могут ознакомиться с текстами «Обращения к кандидатам в депутаты Советов народных депутатов Куйбышевской области» лидеров общественного комитета «Самара», Открытого письма председателю Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцину, подписанного народными депутатами, активистами, деятелями науки и культуры нашего города, обращения академика Д.С. Лихачева к председателю Куйбышевского областного совета народных депутатов В.А. Тархову. Опубликован в сборнике ключевой для судьбы нашего города Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 января 1991 г. о переименовании города Куйбышева в город Самара и Куйбышевской области в Самарскую область. Наконец, читатели сборника смогут и услышать живые голоса горожан того времени, ознакомиться с диапазоном их мнений, взвесить аргументацию обеих сторон в споре об имени города: в сборнике помещены выдержки из многочисленных писем жителей города, поступивших в редакцию Куйбышевского радио.

Сборнику документов и материалов предпослано посвящение: «Всем, кто боролся за возвращение городу исторического имени». Книга напомнит всем самарцам об одной из самых ярких страниц в истории города и вызовет чувство гордости у всех, кто был причастен к этому великому делу. Она будет интересна историкам, краеведам, педагогам, работникам средств массовой информации и всем, кому небезразлична история и судьба родной Самары.

Редколлегия

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнале «Самарский земский сборник» публикуются обзорные и оригинальные статьи по историческим наукам, а также краткие научные сообщения и рецензии.

Требования к оформлению статей

Статья, предоставляемая для публикации, должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана.

1. Перед статьей указывается **код УДК**. Его можно определить, в частности, на сайте <http://www.naukapro.ru/metod.htm> и др.

2. После указания авторов статьи дается сноска, в которой должны содержаться фамилия, имя, отчество авторов (полностью), ученая степень, полное название организации – места работы исследователя, адрес электронной почты и телефон для связи с авторами.

3. После названия статьи дается краткая **аннотация** (3-4 строки) и **3-6 ключевых слов/словосочетаний** (отделяются друг от друга точкой с запятой).

4. Завершает статью **библиографический список** (т.е. алфавитный перечень всех работ, на которые в статье даются ссылки), оформленный в соответствии с ГОСТ 7.05-2008, с которым можно ознакомиться по электронному адресу: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=165614>

5. При использовании Интернет-ресурсов желательно ставить название сайта / сетевого ресурса.

6. Ссылки в тексте на упомянутые в библиографическом списке труды оформляются в квадратных скобках [1]; [1; 2], при необходимости с указанием страниц: [1, с. 21]; [1, с.21; 2, с.33].

7. Ссылки в тексте на упомянутые в библиографическом списке **архивные фонды** оформляются по следующему принципу: [3, оп.4, д.257, л.86об].

Обязательные параметры электронной версии статьи:

- файл в формате *.doc или *.rtf;
- объем статьи – не более 15 тыс. знаков, включая аннотацию и библиографию;
- поля: 2 см с каждой стороны;
- абзацный отступ – 1 см;
- межстрочный интервал – 1,5;
- шрифт Times New Roman; размер основного текста – 14, сносок – 12, аннотации и ключевых слов – 12.

Библиографический список в конце статьи:

– в список помещаются только те работы или архивные фонды, на которые есть ссылки в тексте;

– список составляется **в алфавитном порядке**.

Статьи просим направлять на имя ответственного секретаря издания Леонтьевой Ольги Борисовны по электронному адресу: oleontieva@yandex.ru

---

Образец оформления статьи

УДК...

Инициалы, фамилия***НАЗВАНИЕ СТАТЬИ**

Аннотация:

Ключевые слова:

Текст статьи [1, с.21]... [1; 2]... [1, с. 23; 2, с. 14]... [3, оп.4, д.257, л.86об].

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
2. Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 119-132.
3. Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1. С.18-35.
4. Реброва И.В. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 22 с.
5. Репина Л.П. От истории империи к истории Британских островов, или Как писать национальную историю в мультикультурном обществе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 10 (33) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000848-1-1>
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 470.
7. РГИА. Ф. 777.
8. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.150.
9. ЦГАСО. Ф.153.